ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 90 (3119) Четверг, 30 июля 1953 г. Цена 40 коп.

Председателю Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики
товарищу Мао Цзе-дуну
Премьеру Государственного Административного Совета и Министру Иностранных Дел Китайской Народной Республики
товарищу Чжоу Энь-лаю

Подписание перемирия и окончание войны в Корее являются великой победой героического корейского народа и доблестных китайских народных добровольцев.

Народы Советского Союза горячо приветствуют и поздравляют великий китайский народ с этой крупной победой в деле защиты мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

С подписанием перемирия и окончанием военных действий перед миролюбивыми народами встают задачи закрепить эти успехи в борьбе за мир, свободу и независимость народов.

Председатель Совета Министров Союза ССР Г. МАЛЕНКОВ

Министр Иностранных Дел СССР В. МОЛОТОВ

Москва, 28 июля 1953 года.

Ум, честь и совесть нашей эпохи

Коммунистической партии Советского Союза — пятьдесят лет!

С радостным чувством отмечают эту знаменательную дату народы нашей страны, зарубежные братские партии, трудящиеся массы стран могучего лагеря мира, демократии и социализма, все передовое и прогрессивное человечество.

За плечами у Коммунистической партии Советского Союза — воистину героический путь. Страницы ее полувековой истории рассказывают о самоотверженной борьбе за дело рабочих и крестьян, повествуют о многотрудных испытаниях и всемирно-исторических победах.

Мысленно воспроизводя сегодня трудный, но славный путь, пройденный нашей партией, мы снова и снова с глубокой любовью произносим имя ее великого основателя и мудрого вождя, имя Ленина.

Верный последователь учения Маркса и Энгельса, В. И. Ленин глубоко проникал своим орлиным взором в будущее. С начала девяностых годов прошлого столетия вел он титаническую борьбу за организацию и сплочение сил пролетариата под знаменем революционного марксизма, за создание в России боевой партии рабочего класса с ясной марксистской программой, революционной тактикой, единой волей и железной дисциплиной.

Ленин разработал идеологические и организационные основы партии нового типа, высоко поднял значение революционной теории. Он доказал, что только партия, руководимая передовой теорией, может выполнить роль передового борца и вождя трудящихся масс.

Шаг за шагом Ленин и ленинская «Искра» собирали разрозненные партийные силы, готовили Второй съезд РСДРП. Он открылся ровно полвека назад, 30 июля 1903 года. Второй съезд — и в этом его непреходящее историческое значение — создал в России действительно марксистскую партию. Съезд принял программу партии, выражающую как ближайшие задачи рабочего класса на этапе буржуазно-демократической революции, так и основные его задачи, рассчитанные на победу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. Съезд имел важное международное значение: он стал поворотным пунктом в мировом рабочем движении.

В ожесточенных классовых боях, в условиях жесточайшего полицейского террора и репрессий, в непримиримой борьбе с меньшевиками, скатившимися в болото оппортунизма, в борьбе со всеми соглашательскими, мелкобуржуазными антинародными партиями закалялась и сплачивала свои ряды партия большевиков, партия коммунистов. В 1912 году Пражская конференция изгнала меньшевиков из РСДРП, положив тем самым начало окончательному оформлению большевиков в самостоятельную партию. Опираясь на созданную Лениным новую, законченную теорию социалистической революции, большевистская партия мужественно и смело вела массы к решающим битвам, прокладывая путь к полному осуществлению революционной программы, принятой Вторым съездом.

В октябре 1917 года Коммунистическая партия привела трудящихся нашей страны к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Заря новой, свободной жизни зажглась над просторами бывшей буржуазно-помещичьей России. Родилось первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, где отныне и навеки народ освободился от социального и национального гнета, стал полноправным хозяином своей страны, всех ее материальных и духовных богатств.

Величайшее значение для победы социалистической революции и установления власти трудящихся в нашей стране имел гениальный ленинский вывод, что наилучшей формой диктатуры пролетариата являются Советы. Вся история развития и упрочения нашего советского строя, самого демократического строя в мире, подтверждает глубочайшую верность этого великого открытия Ленина.

Октябрьская революция в России оказала решающее влияние на судьбы всего человечества, на весь ход мировой истории. Знаменуя собой коренной поворот от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому, она нанесла старому миру смертельную рану, расшатала и ослабила устои империализма и тем облегчила борьбу международного пролетариата против капитала. Коммунистическая партия превратилась из силы национальной в силу международную, интернациональную, в первую «Ударную бригаду» мирового революционного и рабочего движения.

Пройдут века, пройдут тысячелетия, но никогда не померкнет в памяти наших потомков величие Октябрьских дней 1917 года, возвестивших начало новой эры в истории человечества — эры крушения капитализма и торжества социализма и коммунизма.

Осуществив победоносную Октябрьскую революцию, Коммунистическая партия подняла к сознательному историческому творчеству многомиллионные массы трудящихся нашей страны, вдохновила и мобилизовала их на осуществление ленинской научно обоснованной программы превращения экономически отсталой России в передовую, могучую социалистическую державу.

Много огромных трудностей и препятствий стояло на этом пути: хозяйственная разруха и голод, нашествие иностранных интервентов и мятежи внутренней контрреволюции, бесчисленные козни капиталистического окружения и подлейшие махинации врагов партии и народа — троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов... Но ничто не поколебало нашу партию, вдребезги были разбиты все те черные силы, которые безнадежно пытались свернуть ее с ленинского пути.

Под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета во главе с И. В. Сталиным, наш народ в великие созидательные годы первых пятилеток преодолел многочисленные трудности и препятствия и построил социалистическое общество, где нет эксплуататорских классов, где навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком.

В годы Великой Отечественной войны, которая была серьезнейшей проверкой силы и жизненности советского общественного и государственного строя, Коммунистическая партия вновь показала, что она является единой боевой организацией, не знающей шатаний и разногласий в своих рядах. В период суровых военных испытаний партия еще более сроднилась с народом, еще теснее связалась с широкими массами трудящихся. Вдохновляемые ею, советские люди мужественно защитили величайшие завоевания социализма, отстояли свободу и независимость своей Родины и спасли народы Европы и Азии от угрозы фашистского порабощения.

Наша славная Коммунистическая партия, закаленная в боях под руководством гениального Ленина, ученика и продолжателя дела Ленина — великого Сталина и их соратников, является ведущей, руководящей и направляющей силой советского общества, строящего коммунизм.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, состоявшийся в октябре прошлого года, подвел величественные итоги борьбы и побед советского народа и наметил программу дальнейшего движения нашей страны вперед. Съезд выдвинул в качестве главных задач партии на современном историческом этапе — построение коммунистического общества путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывное повышение материального и культурного уровня общества, воспитание членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерное укрепление обороны советской Родины от агрессивных действий ее врагов. Вся работа XIX съезда была волнующей демонстрацией нерушимой монолитности и сплоченности рядов партии, теснейшего единения партии и народа, демонстрацией неуклонной решимости партии привести нашу Родину к победе коммунизма.

Советский народ знает, что сила и непобедимость Коммунистической партии имеют своим источником то, что наша партия во всей своей практической деятельности неизменно руководствуется марксистско-ленинской теорией, великим, преобразующим мир революционным учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, знанием объективных экономических законов. Вся история нашей партии — это марксизм-ленинизм в действии. Велики и неутомимы заботы партии о марксистско-ленинском воспитании, об идейной закалке коммунистов, о политическом просвещении широчайших масс трудящихся.

Сила Коммунистической партии — в ее неразрывной связи с народом, в ее глубокой, непоколебимой вере в народ. А сила народа — в его сплоченности вокруг партии. Об этом свидетельствует, этому учит нас вся героическая история партии и Советского государства.

Сила Коммунистической партии — в том, что она представляет собой боевой союз единомышленников - коммунистов, сплоченных единством взглядов, единством действий, единством дисциплины. Партия свято соблюдает выработанные Лениным принципы партийного руководства и нормы партийной жизни; она исходит из того, что только коллективный опыт, коллективная мудрость Центрального Комитета, опирающегося на научную основу марксистско-ленинской теории и широкую инициативу руководящих кадров, обеспечивает правильность руководства партией и страной, незыблемое единство и сплоченность рядов партии, успешное строительство коммунизма в нашей стране.

Сила Коммунистической партии — в том, что она широко и смело пользуется испытанным оружием критики и самокритики. Всемерно развертывая самокритику и особенно критику снизу, партия поднимает творческую активность коммунистов и всех трудящихся, направляет их энергию на борьбу с недостатками и болезненными явлениями.

Трудящиеся Советского Союза на многолетнем историческом опыте убедились в том, что Коммунистическая партия выражает их коренные жизненные интересы, что она — подлинно народная партия, что забота о благе советского человека, о процветании всего советского народа является для нее законом. И народ отвечает на эту заботу безграничной любовью к своей родной партии, полным доверием ей, единодушной поддержкой всех ее начинаний; отвечает своим трудовым героизмом, гигантским размахом социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение пятого пятилетнего плана.

Советские люди знают, что Коммунистическая партия будет и впредь неустанно заботиться об удовлетворении непрерывно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся, о дальнейшем подъеме всех отраслей социалистической экономики, о еще большем расцвете науки, литературы, искусства.

Партия будет и впредь укреплять и беречь, как зеницу ока, дружбу народов нашей страны — основу основ многонационального социалистического государства, главное условие всех успехов братских советских республик; будет и впредь воспитывать всех трудящихся в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, в духе непримиримости к любым проявлениям буржуазного национализма, в духе высокой революционной бдительности.

В области внешней политики Коммунистическая партия будет и впредь неутомимо заботиться о том, чтобы обеспечить мирный труд советского народа, сохранить мир и не допустить новой войны. Партия будет и впредь последовательно вести политику сохранения и упрочения мира, политику сотрудничества со всеми странами и развития деловых связей с ними на принципах соблюдения взаимных интересов. Партия считает своей обязанностью дальнейшее укрепление могучего лагеря мира, демократии и социализма, дальнейшее упрочение дружбы и солидарности советского народа с великим китайским народом, с трудящимися стран народной демократии.

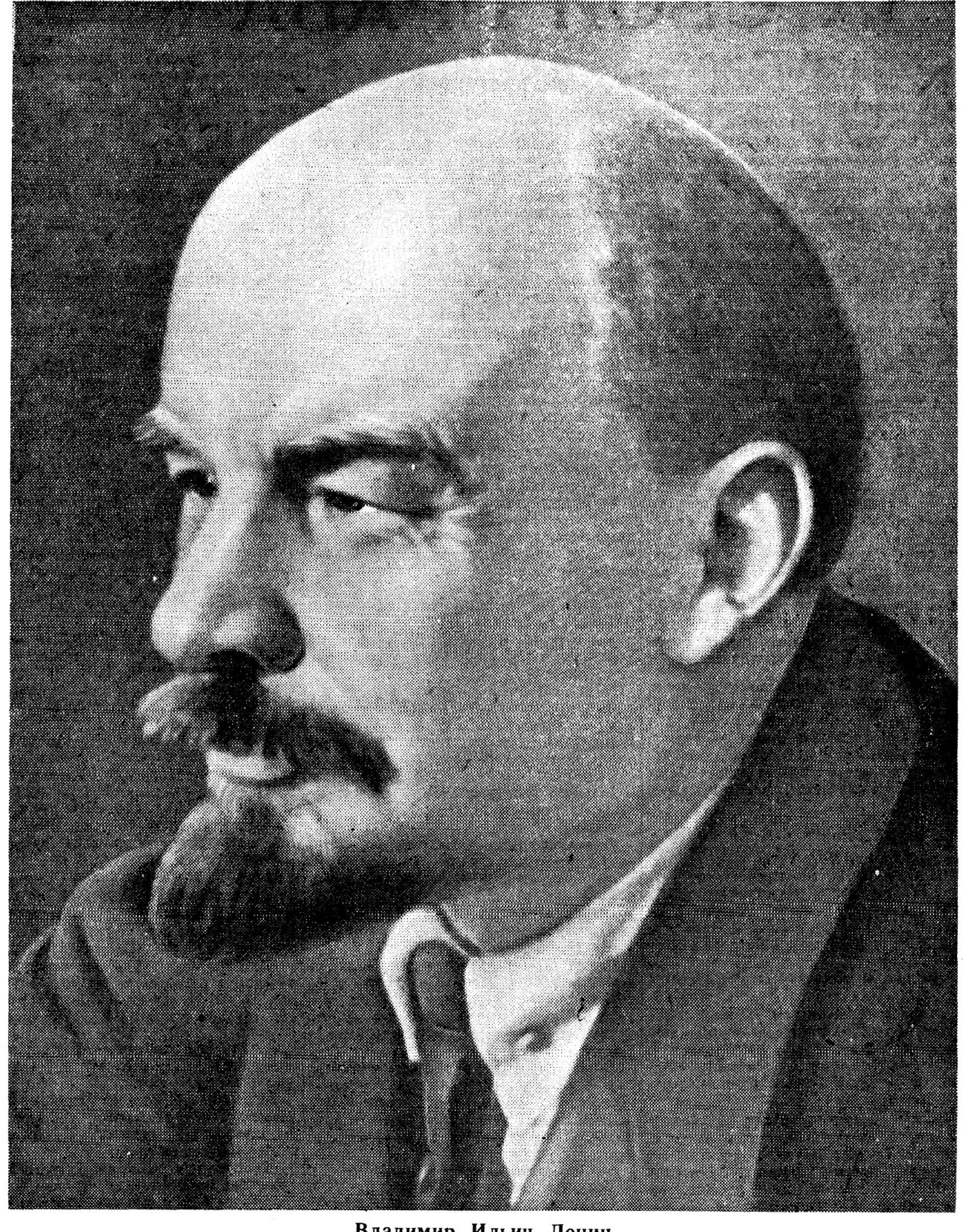
Коммунистическая партия видит свою задачу, свой долг перед народом и в том, чтобы, не жалея сил, укреплять многонациональное Советское государство, как могучее орудие в борьбе за построение коммунистического общества. Партия учит нас, что укрепление Советского государства есть патриотический долг и вместе с тем священная интернациональная обязанность всех трудящихся нашей Родины.

Полная творческих сил и неукротимой энергии, умудренная гигантским опытом, равного которому не знала ни одна политическая партия в мире, отмечает Коммунистическая партия Советского Союза свое славное пятидесятилетие.

В один из труднейших моментов в истории партии, после июльских дней 1917 года, Ленин, выражая чаяния миллионов и миллионов трудящихся, писал о нашей партии: «ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи...»

С какой силой звучат сегодня эти вдохновенные ленинские слова! Да, мы верим нашей партии. Верим твердо и беспредельно. В ней мы по праву видим светлый ум нашего народа, его чистую совесть, его честь.

В тесном единении с народом, под испытанным знаменем ленинизма уверенно идет наша партия к новым победам. И с каждой новой победой взору советского человека будут открываться все более прекрасные черты нашего коммунистического Завтра. Каждая новая победа явится богатырским шагом нашего народа вперед, по пути к торжеству коммунизма.

Владимир Ильич Ленин

Максим РЫЛЬСКИЙ

ПАРТИЯ

Она и в каждом повороте
Руля советских кораблей.
Она и в книге и в работе,
В дыхании страны моей.

В единстве городов и пашен
Сплоченность партии видна.
Она — большая сила наша,
Душа народная она.

Она — наш Ленин на трибуне
Среди соратников своих,
Она — наш Сталин в вечно юных
Свершеньях наших трудовых.

Она и мысль, она и дело,
И вдохновения родник,
И говорящий правду смело
Простых людей живой язык.

Она в степных морей разливах,
В народной дружбе вековой.
Она — в глазах детей
пытливых
Пред новой картою земной.

Перевела с украинского Е. ШЕВЕЛЕВА

М. ЛУКОНИН

Сыновний долг

(Из поэмы)

И вот опять,
когда произношу
слова к тебе,
то делаюсь несмелым —
я знаю:
в тех словах —
все, чем дышу,
все,
что задумал сделать
главным делом.
Заветные слова
к тебе несу,
запас труда и опыт жизни
скромной,
изведав
слов нетленную красу,
красу лесов,
степей,
земли огромной.
Слова любви и жизни я берег.
Ждал мастерства,
копил его по капле
на войнах,
в мирных днях.
Копил, как мог.
И пробовал,
и спрашивал:
«А так ли?»
И сердце подсказало мне:
— Пора!
Земля шепнула о сыновнем долге,
в тот час,
когда вещали рупора
о стройке
гидростанции на Волге.
Чтоб все сказать — начал
издалека.
Ни слов,
ни дней,
ни лет мне не хватало,
и зазвучала первая строка
в день пуска Ахтубинского канала.
Мы,
Партия,
единственной судьбою
зовем тебя,
надеждою своей.
Как сыновья, мы счастливы тобою,
ты счастлива
любовью сыновей.
Прими же те слова,
что я берег.
Ты, Партия,
живешь в сердечном гуле,
в работе лет,
в полете первых строк
любви и клятвы.
Ты всему исток.
К тебе одной
слова мои
прильнули.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Свет над миром

Сильнее нашей дружбы в мире
нет,
Живем мы все большой семьей
согласной,
Нам Партия в сердца вселила свет,
Такой могучий и такой
прекрасный.

И братства нашего светлее нет,
Оно растет и крепнет год от году.
Вершитель исторических побед —
Народ наш славит братство всех
народов.

Нам Партия дала его навек,
И горе тем, кто смел его нарушить!
Оно — как свет незримый в наших
душах,
Чтоб жил и славил братство
человек!

Мы нашу верность Партии несем
По ленинским и сталинским
заветам.
Народы верят Партии во всем,
И Партия сильна любовью этой.

Она — оплот народа своего —
Хозяина страны, творца законов,
Она — любовь и гордость
миллионов,
Надежда человечества всего.

В сражениях, которым равных нет,
Мы отстояли честь страны
родимой,
Мы с Партией своей непобедимы.
Горит над миром высшей Правды
свет!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Слово коммуниста

Обязан я
земное строить счастье
На всей земле
для всех людей труда.

Обязан я
родной Советской власти
Опорой быть повсюду и всегда.

Обязан я
в работе,
в каждом деле
Быть впереди,
уметь работать так,
Чтоб люди мной
гордиться бы сумели
И чтоб они по мне равняли шаг.

Обязан я,
во имя цели ясной,
В боях с врагом
и в стройке
мирных дней
Спешить туда,
где бой всего опасней,
Спешить туда,
где жизнь всего трудней.

Обязан я,
не ожидая зова
И не вникая в званья и чины,
Давать отпор
бесстрашно и сурово
Любому злу
любой величины.

Обязан я
народу быть слугою,
Жить для него,
работать для него
И совладать с заботою любою,
С любой нуждой народа моего.

Обязан я
собою не кичиться,
Душой своей народу быть сродни;
Уча людей,
всю жизнь у них учиться,
Ведя людей,
все время быть с людьми.

Обязан я,
слуга и сын народа,
Навечно быть пред Партией своей
Правдивым, честным,
чистым, благородным,
Неколебимым
в преданности к ней.

Обязан я и словом и делами
Крепить Отчизну,
бить любых врагов,
Держать высоко
ленинское знамя,
Хранить единство
сталинских рядов.

Родная Партия идет дорогой
славы,
Дорогой светлой, трудной,
каменистой,
И счастлив тем я, что имею право
Нести
обязанности
коммуниста!

ЗА СВОИ ПРАВА

ГЛАВА ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ЭПОПЕИ «ВОЙНА»

Вс. ВИШНЕВСКИЙ

Колоссальное, остро ощутимое, то скрытое, то явное влияние приобретала на заводе Социал-демократическая рабочая партия (большевиков). Гениальные слова Ленина передавались рабочими из уст в уста, читались на страницах первых номеров большевистской газеты «Правда». Новые раскрывшиеся перспективы воодушевляли рабочих, и тут происходили явления, опрокидывавшие нормы, доселе известные науке. С точки зрения физиологии, рабочие в массе были предельно истощены работой по десять, двенадцать, четырнадцать, а в некоторых отраслях и по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки. Находить в себе силы для борьбы, требовавшей добавочного крайнего напряжения, могло казаться немыслимым. Но беспримерное движение, питаемое самыми значительными и высокими целями в мировой истории, попирало обычные нормы. Истощенные люди шли на борьбу во имя наконец найденных, подлинных и осуществимых идеалов человечества, шли на борьбу за коллектив, за класс. Они развивали эту борьбу с необычайной энергией, постепенно расшатывая казавшиеся незыблемыми законы и порядки.

В связи с этим за заводскими заборами, оградами, проволочными сетями, решетками, коваными железными воротами, за стенами «надзирала и бдела» заводская полиция и заводская охрана... Люди работали, вынуждены были работать под надзором полиции и частных шпионов.

Старичок, из отставных, просунул носик в цех, сощурился и, подобрав полы сюртука, шагнул вперед, к мастеру.

— З-здравья желаю, Прохор Андреевич.

Старичок поздоровался с мастером по-воински, а потом за ручку и попроще, отечески кивнул рабочим. Те, снимая шапки, кланялись.

— Почет.

— Почтенье.

— Аристарху Матвеичу.

Старичку не поклонишься — беду сделает. Рабочие знали, что старичок следит за цехами, за отхожими местами: чтобы не засиживались, не курили, не болтали зря, чтоб листков и «Правду» не подбрасывали.

Аристарх Матвеевич был надзирателем над надзирателями, сторожем над сторожами, главным осведомителем Языгова.

Старичок побеседовал с мастером о том, о сем, о здравии, погоде, прочитанном и наблюденном. Мастер с огорчением сообщил, что не досчитались большого количества болтов.

Эти беседы доставляли как бы питание для положенных рапортов владельцу, и, поскольку была суббота, рапорт уже надлежало представить. Беседуя, старичок мысленно нанизывал строки рапорта, писавшегося всегда рыжеватыми чернилами, посыпаемого песком, ибо клякс-папиров старичок не признавал:

«Его Высокоблагородию: имею честь донести, что в рассуждении состояния мастеровых литейной за истекшую неделю можно сказать, что оно достаточно и оные ведут себя тихо и даже приметил роскошь. Так у мастерового Василия Белова замечено кольцо, чего ранее не было. О нравственности начальство имеет попечение, но молодые уклоняются. Однако, их умеренное число и им предстоит военная служба. В одном из подсобных помещений был наклеен лист с подписью «РСДРП(б)», мною изъятый (прилагаю его при сем) с некоторым повреждением в виду крепости употребленного неизвестными клея».

Старичок огорченно покачал головой: «Маловато», и тут же обрадовался, вспомнив о пропавших болтах. Аристарх Матвеевич, дыша в платочек, внимательнейше присматривался к каждому из проходивших рабочих и, наконец, подозвал к себе молодого парня, недавно поступившего на завод.

— Строгин, тебе сколько болтов дано было?

— Двести.

— Так. А почему недочет?

— Как недочет?

— Так, недочет. Поди, друг ситный, да поищи, а то...

В цехе не оказалось недостающих болтов. Причины их пропажи неизвестны: болты либо попали в стружку, в обрезки, в лом, либо отнесены в другой цех. Строгин сообщает старичку:

— Нет. Не найти.

— Гм... Не найти? Сегодня у тебя не найти, завтра у другого. Глядишь, и у завода нехватка будет.

— Сделайте вычет.

— А ты меня не учи. Я человек ученый. Зачем я тебя обижать буду? Ты мне болты верни и получку получай сполна. А не вернешь, иди на все четыре стороны, сокол... И пометку тебе сделаю: «за воровство».

— Я...

— А ты помолчи.

Строгин остается один. Вор. Вор. Вор! «А ты помолчи»... Расчет. Волчий билет, безработица.

Строгин понимает: он ни за что ни про что приговорен к голодной смерти. Строгин просит позволенья остаться в ночную смену. Он поищет, он постарается... Аристарх Матвеевич разрешает.

Утром охрана и полиция обшаривают труп. Аристарх Матвеевич привычно прощупывает подкладку пиджака, перебирает горсточку найденных в карманах вещей: шесть гривен мелочью; карандашик; немножко карманной пыли, состоящей из хлебных крошек, остатков махорки, комочков свалявшейся и истертой материи и клочок белой бумажки, на которой наспех нацарапано несколько слов.

— Экая скотина. Нашел, где повеситься.

Пальцы старикашки теребят застывшие веки, пытаясь закрыть мертвые глаза, но веки не поддаются. Старичок ищет в своей книжечке, где по алфавиту записаны все рабочие.

— Строгин — он из тихих.

— Удивили, папаша. Громкие—они не вешаются. Они сами до чужой глотки добираются. Веревку, папаша, вы оставьте. Вам достатка хватает, а мы люди бедные.

— Торговать веревочкой будете?

— Уж как бог даст.

По двору уже шли в цех рабочие. Старичок, городовой и охранник не успели унести покойника и быстро подались в сторону.

Увидев распростертое тело, мастеровые бросились к товарищу. Старикашка стоял, сняв шапку, иногда всхлипывал, крестился и бормотал:

— Сыночек... Прямо, как живой... У меня такой был. Тоже пропал. Владыко, один ты, боже, знаешь горе и грехи человечьи. Девушку он любил. Любовь его засушила. Это бывает. Бабы, они такие...

Старичок говорил тихо, потрясенно.

— А что при нем было?

— Шесть гривен оставил покойник.

— Капита-ал!

Рабочие вздыхали:

— Эх, дура-парень, из-за бабы.

— Куда его теперь? В участок?

— А что при нем было, все-таки? Кто его нашел?

Старичок глядел на покойника, не отвечая, пока его не дернул кто-то за плечо.

— Выкладывай его имущество!

Старичок метнулся, поглядев на городового и охранника. Те посмотрели на толпу и отвели взгляд от старичка. Старичка еще раз толкнули. Сказывалось вечное недоверие, питаемое ненавистью. Покойника мало кто знал, парень он был молодой, из другого цеха, но что-то в горести надзирателя вызывало подозрения. Личность эта была рабочим хорошо известна. Старичок полез в карман, долго ковырялся, укоризненно качал головой.

— Эх, господа, господа...

Он вынул деньги, сочувственно вздыхая о бедности людской. Один из рабочих подставил руки, и медяки тяжело падали под общий счет: «Пять, восемь, двенадцать, двадцать...»

Старичок покопался еще и сказал, не вынимая руку из кармана:

— Все.

Товарищи в упор глядели на надзирателя. Один встряхнул его:

— Не верти вола! Отвечай, чего зажимаешь?

Старик удивленно расширил глазки и переспросил:

— Что зажимаю?

Спрашивавший вытащил руку Аристарха Матвеевича из кармана и стиснул ее до боли. Старикашка пискнул и выронил бумажку. Казалось, что белый листок на прокопченном полу — как крик — взывал о мщении.

Бумажку подняли, расправили и прочли:

«Старик меня обвиняет в воровстве. Я невинен, но доказать не могу. Разве голосу рабочего верят? Решаю обратить внимание на положение рабочего и кончаю себя. Прощайте».

— Товарищи, снимите шапки!

Молчание наступило... Тишина...

Самоубийцу подняли и понесли...

Покойник лежал на двух составленных столах, ногами к двери. Голова была чуть откинута назад. Руки беспомощно свисали, усталые от работы руки, с натертыми мозолями, с резко обозначившимися царапинами от металла.

Люди вглядывались в мертвое лицо, в открытые глаза, которые, казалось, приказывали помнить просьбу — обратить внимание на положение рабочего. Посовещавшись, товарищи пошли обратно на завод. В комнате остались женщины.

Окно было завешено одеялом, и в комнате поэтому было полутемно. Покойника прибрали. От нескольких зажженных свечей шел восковой теплый дух... В ногах стояла одна из женщин в черном платке и монотонно читала псалтырь...

Комната наполнялась людьми... Кто-то подходил и целовал покойника, кто-то тайком отрывал кусочки его пиджака — на счастье. Перекрестясь, вошел и замер в стойке околоточный надзиратель, придав себе осуждающий, но в то же время скорбный вид.

Огоньки тонких свечек дрожали, воск стекал... Подходили с ночной смены рабочие — весть о самоубийстве облетела весь завод.

Присутствие покойника, полутьма, шопот, свечи, молитвы, с детства устрашавшие «законы» и незнание того, что именно следовало бы делать, держало людей в оцепенении.

В комнату вошел человек и громко спросил:

— Товарищи, что же это?

Он сорвал с окна одеяло, и в комнату ворвался солнечный свет. Стало сразу спокойнее, проще... Человек вынул из рук мертвеца вложенный женщинами образок и задул свечу.

— Гаси остальные, товарищи. Покойный не об этом нас просил.

Свечки погасли. Женщины стояли, пораженные ужасом. Околоточный, поддерживая шашку, шагнул вперед:

— Незаконно самоуправствуете и кто вы такой?

— Действую я именно законно, извольте заметить. По законам империи (товарищ произнес это слово медленно, веско) самоубийцы лишаются церковного погребенья и отлучаются от церкви. Знать бы надо.

Околоточный шагнул назад, но продолжал соображать — кто же этот человек.

— Но, виноват, все-таки, кто, пожалуйста, вы будете?

Товарищ ответил четко:

— Член Государственной Думы. От рабочих. Мартынов — моя фамилия.

— Виноват.

Околоточный соображал, как ему надлежит поступить, и припоминал инструкции, вменявшиеся в подобных случаях. Вмешательство непредвиденного обстоятельства, а именно — законоположение об отлучении от церкви самоубийц, вносило неясность в вышеупомянутые инструкции, и посему околоточный побежал докладывать о происходящем по начальству.

К шести часам, после работы, пришли заводские.

— Наши в «Правду» объявление дали.

— Гроб покупают.

— О покойнике есть кому позаботиться.

К дому подходил народ и с других заводов и фабрик. Некоторые несли железные крашеные венки с белыми и красными лентами.

Женщины собирались на лестнице, выбегали на улицу. Предчувствуя, что придут «усмирять», они загоняли детей в квартиры и снова, сгорая от страха и любопытства, бежали во двор.

Околоточный скоро вернулся с нарядом городовых. Он задерживал в подворотне рабочих, отбирая венки. Читал написанные черной краской на лентах слова: «Ты жертвою пал в борьбе роковой». «Спи, товарищ, месть за тебя будет». «Вечная память страдальцу». Околоточный оторвал первые две ленты, аккуратно сложил их и спрятал в боковой карман, оставил третью, отрезав ножом слово — «страдальцу»...

— Виноват, служба. А теперь, пожалуйте, но без лишнего шума...

Комната, где лежал покойник, уже не вмещала пришедших. Двор, подворотня, улица заполнились людьми.

На лестнице рыдала женщина. В толпе спрашивали: «Жена?»—и старались рассмотреть. Потом узнали, что не жена, а так — от чувства плачет резинщица с «Треугольника». От нее пахло бензином и резиной — неистребимым запахом производства... Она иногда шептала: «За семьдесят пять копеек жизнь травишь». (Работницы «Треугольника» получали за десять-двенадцать часов самоотравления — семьдесят пять копеек).

К дому шли и шли рабочие, побуждаемые чувствами возмущения, тоски и гнева... Они видели полицию — появилась уже и конная,— но со злой решимостью не обращали на это внимания.

На стенке дома появились надписи, повторявшие надписи на срезанных околоточным лентах: «Спи, товарищ, месть за тебя будет», «Ты жертвою пал в борьбе роковой»...

Конные полицейские нажимали на людей, бросая короткие: «Ос-сади!»

Наконец показался гроб. На крышке гроба алели ленты венка. Он двигался медленно, плыл, колыхаясь, над головами. Толпа сняла шапки.

Конные разом двинулись вслед. Один, шпоря коня, поравнялся с гробом и, перегнувшись к нему всем телом, рванул алую ленту. Венок упал, оцарапав острыми железными листьями лицо Мартынова, несшего гроб. По лицу побежала кровь... Товарищ осторожно утер лицо рукавом и сказал: «Пошли дальше»...

Толпа двигалась плотной колонной, окруженная конной и пешей полицией, вливаясь в общий поток улицы, нарушая движение ломовых подвод, извозчичьих пролеток, оттесняя пешеходов. Окрики городовых заглушались ременными ударами по спинам битюгов, матерщиной извозчиков, дребезжанием трактирных органчиков, гомоном торговцев и лотошников.

У кладбища процессию поджидал новый наряд полиции. Гроб опустили у вырытой заблаговременно ямы.

Распоряжавшийся всем Мартынов встал у гроба. Люди тихо стояли, обнажив головы, ощущая всю тяжесть своей жизни.

Мартынов взял слово:

— Выполним волю покойного, обратив внимание на положение рабочего класса. За десяти- а то и двенадцатичасовой рабочий день мы получаем по шестьдесят пять-семьдесят пять копеек. Промышленники заставляют нас подымать выработку так, что выходит у нас по пятьдесят дней вместо месяца. Люди не видят жизни, не видят даже своих убогих углов... Мы начали, товарищи, объединяться! Сообща легче добиваться своего...

Каждый из присутствующих знал все это, но точность фраз, громко произнесенных, выразительность слов и убежденность оратора вызывали в людях жажду активности, протеста, солидарности.

Мартынов продолжал говорить:

— Прощай, товарищ Строгин, смерть твоя — лишний урок нам, живым...

Полицейский пристав стоял, заложив руку за борт шинели, и напряженно кивал головой, как бы подтверждая слова оратора. Но этот жест выражал удовлетворение пристава тем, что Мартынов не касался политики и говорил только о материальных нуждах, тем, что пока все благополучно и речь подходит к концу. Но он ошибался... Мартынов заговорил еще горячее:

— Погибший просил обратить внимание! Мы видим, что управы на зажравшихся хозяев нет. У них круговая против нас, рабочих, порука! Терпеть, как безгласный скот, мы больше не будем! Ясно, что нам делать надо: веточки не общиплешь, по корню рубить надо!

Пристав встрепенулся и гаркнул:

— Не давай говорить! Держи его! Конные,— сюда!

Конные рванулись на кладбище, топча могилы и осенние цветы, высекая искры из могильных плит.

...Конные врезались в толпу, хлеща нагайками направо и налево.

Рабочие пытались вырвать могильные кресты, выломать прутья решеток, чтобы защищаться. Кто-то крикнул:

— Партийных не выдавать!

Прижатый к чьему-то памятнику, стоял Мартынов. Его схватили, но он продолжал говорить. Тогда пристав засунул ему в рот свою перчатку. Один из мастеровых подхватывал тяжелые цветочные горшки с соседней могилы и, повторяя беспрестанно: «Вас, сукины сыны, на Дальнем восвать не было, а тут вы есть!»,—швырял их в полицейских...

Два городовых скрутили ремнем руки мастеровому... Он ударил одного головой, тот упал; другой городовой — тяжелый, грузный — вскочил на гроб, чтобы схватить мастерового сзади. Крышка гроба треснула, и нога городового наступила на мертвеца.

Рабочих разогнали... Мартынова, мастерового и еще человек пятнадцать-шестнадцать увели городовые.

Растоптанный и изувеченный труп скинули в разбитом гробу в могилу. По дорожкам валялись какие-то обрывки одежды, втоптанные в грязь шапки... В наступивших сумерках могильщики, торопясь, забрасывали могилу землей.

Упрямо, систематически, вооруженная ни с чем не сравнимым умением познавать действительность, ее законы и корни жизненных явлений, в предвидении широких исторических перспектив — действовала партия большевиков. Бесстрашно попирая законы империи, обращались большевики к рабочим, настойчиво и терпеливо направляя и подготовляя народ ко второй революции. Не сгибаясь в тюрьмах и на каторге, они являли примеры небывалого мужества. Они упорно сохраняли силы, чтобы бросить их при первой возможности на службу народу, готовые отдать всю свою жизнь борьбе за революцию. Они шли, как командиры, в первых рядах, когда заводской народ, измученный и доведенный до предела человеческого терпения, поднимался на борьбу за свои права.

КОММУНИСТ САПОЖКОВ

ИЗ РОМАНА «РУССКИЙ ЛЕС»

Леонид ЛЕОНОВ

...Не было сил противиться внезапно возникшему влеченью,— утром пораньше Поля выбежала на улицу с намерением не возвращаться домой. После долгих колебаний между военкоматом и райкомом комсомола она выбрала последний, потому что успела лично познакомиться с секретарем, когда вставала на учет. Ей повезло: несмотря на ранний час, начальство находилось у себя в кабинетике и завтракало из бумажки. Это был очень молодой человек в защитной гимнастерке, но не тот прежний, высокий и кареглазый, с оттенком государственной озабоченности в лице, а другой, уже помельче ростом, временный, попроще, с такими же синяками бессонной ночи под глазами, как у нее самой, и фамилия ему была Сапожков.

— Простите, тут сидел один товарищ...— разочарованно начала Поля, готовая ретироваться.

Тот мельком взглянул на посетительницу и снова уткнулся в сводку на папиросной бумаге.

— Это показывает, девушка, что редковато заходишь к нам. Я уже вторую неделю тут. Сейчас дочитаю материал, посиди...— и, не глядя, протянул ей через стол второй бутерброд с чем-то вкусным и копченым, судя по запаху.— Бери, ешь пока, я уже подзаправился. Только осторожней: рыба недостаточно продуманной конструкции, с крючками. Все понятно, девушка тоскует по настоящему, большому делу... угадал?

— Ага,— подтвердила Поля, потрясенная его прозорливостью и радуясь, что для начала все идет совсем неплохо.

— Прелестно... Ну, как у вас там... хлопотливая выпала ночка? Огня-то сколько скинули: гибель Помпеи!

— О, к нам почти и не попало,— сказала Поля, искоса поглядывая и на стакан остывшего чая на столе.

— Бери, бери, не стесняйся...—догадался Сапожков, придвигая и чай.

Все так же, не поднимая головы и ставя непонятные значки на полях своей сводки, он принялся расспрашивать гостью о годе и месте рождения, о родителях и, в первую очередь, с помощью каких именно, находящихся в ее распоряжении средств надеется она в кратчайший срок сразить фашистскую Германию. Однако не ирония или высокомерие, а, напротив, скучноватая обыденность слышалась в его голосе, потому что десятки девчат ежедневно стучались к нему за тем же самым. Зато он одобрил ее знание немецкого языка и морзянки — со скоростью до сорока знаков в минуту. В связи с этим он даже спросил Полю мельком, не альпинистка ли она, но, к сожалению, из-за отсутствия значительных гор на Енге тут оказался досадный пробел в полином образовании.

— Напрасно оправдываешься... отсутствие гор — не твоя вина,— сочувственно кивал секретарь, убирая сводку в ящик стола.— Что ж, намерения твои вполне похвальные, Вихрова. Значит, и смерти не боишься нисколечко?

— Я бесславной смерти боюсь,—по возможности твердо произнесла Поля, больше всего боясь вторично оскандалиться, как в прошлый раз с Варей.

—Мысль, несомненно, интересная,—сказал секретарь,— хотя еще больше следует бесславной жизни опасаться. О смерти-то нам с тобой рановато думать.

Здесь секретарь вышел из-за стола, как бы из потребности поразмяться, но Поля-то понимала, что для окончательного решения ему требовалось посмотреть ее со стороны. Как она ни прятала ноги под сиденьем, вниманье его в особенности привлекли полины туфельки, достигшие самого плачевного состояния. И вдруг ей стало ясно, что все погибло, и, конечно, было непростительным промахом соглашаться на угощенье, которым секретарь хотел смягчить свой решительный отказ.

— Чего вы так уставились на меня?— вспыхнула Поля, с отчаяньем глядя на бесповоротно опустошенный стакан.— Видно, газет не читаете... ну, выгоняйте меня отсюда. Они все лезут, уж в Кремль собираются входить, а мы только отмахиваемся. Думаете, цыпленок я, крылышком отечество защищать притащилась, а я как мина... как мина я теперь, если хотите знать.— И еще наговорила уйму жарких, совсем уж бесполезных слов.

У него хватило терпенья выслушать ее до конца.

— В таком случае, воображаю, какого рода мненьице у тебя обо мне составилось: пристроился, дескать, в тылу, шуршит казенной бумагой да еще копченого леща жует при этом. Однако, как видишь, делаю это без зазренья совести. Что касается Кремля, то вряд ли: до этого им пришлось бы всю Россию перешагнуть.—Он присел в кресло напротив, колено в колено.— Рассказывай... ты на кого же учиться-то приехала?

— На архитектора,— с тоской, дрожащими губами призналась Поля.

— Ну вот, тем более. А ты представляешь, сколько нам всего придется строить, когда все это кончится? У нас аппетит тогда вдесятеро разыграется... И красиво строить, чорт возьми! Народу осточертели эти черные коробки с недоделанными дворами и ржавыми потеками на фасадах. Так строить надо, чтоб изделия твои века стояли, а не то чтоб в полтора кирпича. Так что, брат, посматривай.

— Может, хоть на завод меня устроите? — из последних сил настаивала Поля.

— А зачем? Нагрузки мы тебе придумаем, это в наших силах... но ведь ты же учиться приехала. Не беспокойся, наша повестка тебя найдет, когда потребуешься. На котором курсе?

— На первом пока, — сказала она не очень уверенно.

— Лихо... Значит, все впереди у тебя... А приятно это — сознавать, что есть еще на земле незастроенные пустыри, неукрощенные реки, незасаженные степи... и вообще неоткрытые тайны и сокровища... Я твою профессию шибко уважаю, хотя сам гидротехникой собираюсь заняться: воду люблю. Не век же мне тут сидеть... да и какой я секретарь, если каждая девчонка кричит на меня за то, что, видите ли, на фронт я ее не пускаю.— Поля не заметила, как он по-свойски, по-мальчишески, взял ее за руку, совсем как Родион. — И думается мне, знаешь, нет ничего на свете упоительней пустыни... чтоб голая совсем, чтоб ничего в ней не было, понятно? И я прихожу в нее с армией таких же удальцов, как ты, и наполняю ее собою до отказа, да так, чтоб тесно в ней стало от городов, деревьев, от послушных и бесшумных машин, выполняющих повеленья жизни... и мои повеленья! Голова от счастья кружится, какую силищу надо всадить в эту природу косматую, непричесанную... и пусть она выносит тебе на блюдце все свои заветные ключики. Как, кружится у тебя голова... а?

— Да... — шопотом отозвалась Поля, и ей так просто стало с этим покровителем невзнузданных стихий, что решила, кстати, узнать от него все, чего не успела расспросить у Вари. — Ну, а дальше что?

— В каком это смысле... дальше? — нахмурился секретарь.

— Я хотела спросить, что дальше, через сто лет... когда все это будет построено, враги побиты и старый мир останется позади?

В приоткрывшуюся дверь несмело заглянула еще одна девушка, и секретарь со вздохом поднялся с кресла.

— Ну, временно не могу приоткрыть тебе этот секрет истории. Заходи через сто лет... тогда посидим и на досуге обсудим планы на будущее, а то по глазам вижу, времени у тебя в обрез. Опоздаешь на лекции, так-то.—Впрочем,—он остановил ее на пороге вопросом, нет ли у нее других просьб и пожеланий в пределах его скромных возможностей, причем снова почему-то поглядел на ее стоптанные туфли.— Да ты не стесняйся, свои люди.

— Раз уж все равно в Москве оставаться... очень бы хотелось на Красной площади в Октябрьский праздник побывать...

Секретарь быстро взглянул на нее, и такая затаенная провинциальная мечта светилась в ее глазах, что он не решился ответить вторичным отказом.

— Это сложно, ничего посулить тебе не смогу, Вихрова, — сказал он, царапая чернильное пятнышко на столе. — Не настолько я могучий волшебник, но... обещаю замолвить о тебе словечко при встрече с товарищами, от которых кое-что зависит. Теперь прощай пока...

***

Накануне праздника, в обеденный перерыв, она снова бегала проситься на фронт. В душном военкоматском коридоре стояла очередь, и впереди Поли оказался московский школьник с четверкой почтовых голубей в дар советскому войску. Никто не улыбался на него, потому что не в голубях тут дело,— все старались не теснить его, потому что птица не может без воздуха. За час Поля успела изучить устройство ручной гранаты и что надо делать при переломе ноги. Майор из первого отдела окинул девчонку щурким глазком и пообещал вспомнить о ней при ближайшей разнарядке: детей не допускали на войну. До райкома комсомола было минуток шесть ходьбы. На столе в знакомом кабинете, словно поджидая Полю, стоял неиссякающий стакан чая, но на месте Сапожкова теперь сидела сухопарая девица с лицом судьбы, если ей бывает когда-нибудь двадцать пять.

— Так, понятно,— сразу перебила она Полю.— Я как раз и заменяю товарища Сапожкова. Если насчет отправки на фронт, то рекомендую обратиться на Мытищинский вагоностроительный завод, где как раз требуются рабочие руки... Или у вас к нему личное дело?

— Не совсем, но... мне хотелось бы его самого,— робко настаивала Поля, потому что неудобно занимать судьбу частными разговорами.— Я и не задержу его надолго.

— К сожалению, это совершенно невозможно,—не подымая глаз от бумаги, сказала судьба.— Товарищ Сапожков третьего дня убит под Наро-Фоминском.

Пошатнувшись, точно и ее задело тем же осколком на излете, Поля вышла за дверь. Домой добралась к вечеру и почти не помнила, что делала в промежутке, только это время товарищ Сапожков ходил с ней вместе, и у него было лицо Родиона...

Ночь выпала беспокойная; двести пятьдесят самолетов ломились на Москву, десятки были сбиты заградительным огнем. Сон не давался после возвращенья с крыши, еще холодней было в отсыревшей, нетопленной квартире. Наталья Сергеевна задержалась в ту ночь на своем медпункте. Густой снег, порой переходивший в пургу, валил в предрассветной мгле за окном. Начинался ноябрьский праздник. Обычно с утра в этот день семья во главе с Павлом Арефьичем слушала у радиоприемника могучий гул московской демонстрации; повинуясь привычке, Поля вышла в коридор, к черному диску на гвозде. Вряд ли большой парад мог состояться теперь: запруженная войсками Красная площадь стала бы в особенности желанной мишенью для вражеской авиации... и все же Поля ждала чего-то, покачиваясь на чужом сундуке. Радиоточка молчала, но изредка сползал с нее странный шорох не то сметаемого снега, не то крадущегося железа. Все хотелось разглядеть в темноте лицо товарища Сапожкова, вдруг поднявшегося перед нею в титаническую высоту, — ее мучило свойственное людям при утрате близких сожаление, что не успела сказать ему при жизни чего-то главного, ласкового, заслуженного. Видимо, задремала при этом, не слышала, как перед ней оказался фельдъегерь в белом полушубке. При свете фонарика он прочел вслух полину фамилию на пестрой карточке и отдал не прежде, чем сверился с паспортом и пристально посмотрел в лицо. Это был пригласительный билет на Красную площадь. В том году их не рассылали по адресам, но до начала парада оставалось немногим больше часа, и, надо думать, то было единственное на всю столицу исключение. Коммунист Сапожков посмертно выполнял свое обещание.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

РАЙОННЫЙ ПАРТИЙНЫЙ АКТИВ

Грохочет под сводами зала могучего гимна мотив, —
Идет в помещении школы районный партийный актив.
О чем говорят коммунисты? О планах научных работ,
О выпечке свежего хлеба, о сметах на будущий год,—
Какой бы вопрос ни решался, о чем бы беседа ни шла,
Волнующий свет коммунизма здесь все озаряет дела.
Идет здесь суровый и твердый, партийный идет разговор.
Здесь те, кто в лицо испытаньям глядит, не мигая, в упор.
Любого врага не страшатся, нигде не отступят назад.
Как будто бы в прорезь прицела, глаза их спокойно глядят.
И стенографистка не знает, чертя за блокнотом блокнот,
Что все, что сейчас она пишет, в историю завтра войдет.

Здесь рядом с сынами своими стоят ветераны-отцы —
Строители всех поколений и всех пополнений бойцы.
На веки веков породнились они на пути боевом
Родством, но не только по крови — по цели великой родством.
С повадкой былых комсомольцев и лицами старых солдат,
В костюмах защитного цвета гражданские люди стоят.
Различны их судьбы и званья, профессии, возраст, чины,
Но все перед партией нашей они, как солдаты, равны.
Она их бросала на штурмы, водила сквозь пламя и дым,
Она их всегда осеняла немеркнущим стягом своим,
Она их на службу призвала, в единую силу сплотив...
Идет в помещении школы районный партийный актив.

Иван ТАРБА

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ

Двадцать первый. Весна.
Гром, который — от взгорий до моря.
Рвали молнии небо и снова сшивали прочней...
Опаленные скалы,
Горящие воды Кодори!
И, от крови тяжелые, волны текли меж камней...

Победители в полночь на берег взошли каменистый,
Где с винтовкой заморской убитый лежал меньшевик,
Опоясаны лентами, шли по селу коммунисты,
И светились патроны от вспышек зарниц грозовых.

Из Абхазии дымные тучи уже уходили,
В бедной хижине—пацхе в тот час родился человек,
Словно близкие выстрелы к жизни его пробудили,
Обещая ему беспокойный и радостный век.
А заря поднималась, лучи простирая косые.
Навсегда отступала из нашей Абхазии мгла.
Это мирное утро пришло из октябрьской России.
Это Партия вечное солнце ко мне принесла.

Бородатый солдат, уроженец далекой Рязани,
Оказался дружком, боевым побратимом отца.
В честь солдата по-русски в тот день нарекли меня Ваней,
Это Партия дружбой связала людские сердца.

Я с годами мужал, восходя на крутые ступени.
Комсомольское племя встречали большие дела.
Это, землю меняя, вставали ряды поколений,
Это Партия новых бойцов за собой повела.

А далекое детство бредет по тропинкам Кавказа.
Я иду коммунистом, и счастлив, шагая в строю,
Сознавать, что без Партии в жизни не прожил ни часа,
Что она с первых дней осеняет дорогу мою.

Перевел с абхазского М. МАКСИМОВ

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках. 1922 г.

Вся страна отмечает 50-летие Коммунистической партии Советского Союза

★ Родной Коммунистической партии — пятьдесят лет!

Советские люди с огромным интересом изучают тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)».

Беседы, чтения материалов о пятидесятилетии партии проходили в эти дни на многих столичных заводах, фабриках, стройках, в учреждениях. В Центральном лектории организован цикл публичных лекций.

Вчера в Москве открылась выставка в Фундаментальной библиотеке общественных наук Академии наук СССР. Экспонируются подлинные номера газеты «Искра», а также первые издания работ В. И. Ленина: «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Шаг вперед, два шага назад» и другие. На выставке представлены ранние работы И. В. Сталина и другие исторические документы.

Во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы выставлены переводы произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина на китайский, болгарский, румынский, польский, венгерский, немецкий, корейский, итальянский и многие другие языки.

★ Чтения газет с тезисами Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС состоялись на предприятиях и в учреждениях Ленинграда.

Большая выставка открылась в библиотеке обкома и горкома КПСС. Здесь широко представлены материалы, характеризующие путь, пройденный партией за пятьдесят лет. Экспонированы документы, относящиеся к периоду подготовки и проведения Второго съезда, произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина, газетные и журнальные статьи.

В Таврическом дворце состоялось собрание докладчиков, пропагандистов и агитаторов Ленинграда. Доклад «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза» сделал секретарь горкома КПСС тов. Князев.

★ На нефтяных промыслах, нефтеперерабатывающих заводах и других предприятиях Баку в эти дни агитаторы знакомят рабочих с тезисами о пятидесятилетии КПСС. В библиотеках города открылись выставки книг и материалов о борьбе за создание революционной партии рабочего класса в России. Усилился приток посетителей в музей — подпольную типографию «Нина», где печаталась ленинская «Искра».

★ Позавчера из столицы Советской Молдавии — Кишинева выехала в районы республики большая группа лекторов — действительных членов республиканского общества по распространению политических и научных знаний. Они прочтут лекции о пятидесятилетии Коммунистической партии Советского Союза.

★ Беседы о пятидесятилетии партии проходили на заводах и фабриках Минска, Витебска и других городов Белоруссии.

В Государственной библиотеке БССР имени В. И. Ленина открылась выставка литературы, на которой представлены произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина, экземпляры ленинской «Искры», газетные и журнальные статьи.

Выставки открылись также в областных, городских и районных библиотеках республики.

ЛЮДИ ОСОБОГО СКЛАДА

На одном заводе

Если пройти от Белорусского вокзала в Москве в сторону Красной Пресни, на правой стороне широкой асфальтированной улицы над заводскими воротами можно увидеть надпись:

«Вагоноремонтный завод памяти революции 1905 года».

Это рядовой завод, каких немало в Москве. Среди корпусов с куполообразными кровлями на заводском дворе — цветники, уютные скверики, где в обеденный перерыв отдыхают рабочие. Около проходной, на самом людном месте высится Доска почета с портретами стахановцев; висят объявления о путевках в санатории, в пионерские лагери, о новом фильме в заводском клубе. А рядом с клубом — просторная рабочая столовая, напоминающая по своим размерам многопролетный цех.

И все это, что стало привычным глазу, — от плаката, зовущего в школу рабочей молодежи, от беспокойной и вездесущей женщины — инспектора по технике безопасности — до подмосковной Баковки, где цветут сады и зреют ягоды на индивидуальных участках рабочих, — все это черты нашего социалистического быта. Не ради ли того, что сейчас отвоевано и обжито, что стало теперь повседневным и будничным, пролетарии Красной Пресни полвека назад шли на уличные баррикады? То, что было мечтой поколений, стало социалистической явью.

На вагоноремонтном заводе даже среди самых молодых рабочих вряд ли найдется такой, который не знал бы, что именно здесь, на его заводе, называвшемся тогда Брестскими мастерскими, прозвучал призывный гудок — сигнал к вооруженному восстанию на Красной Пресне. Тут и поныне здравствуют еще свидетели и участники революционных событий; они отлично помнят: это было в среду, около двенадцати часов дня, 20 декабря 1905 года. Сохранилась в памяти и фамилия начальника заводской боевой дружины коммуниста Георгия Розанова, который проник с товарищами в котельную, открыл вентиль, и мощный гудок разнес по Москве весть о вооруженном восстании.

Рабочие Брестских мастерских собрались на заводском дворе и единодушно проголосовали за всеобщую политическую стачку, поднялись на вооруженную борьбу с самодержавием. Это был их ответ на призыв Московского комитета партии коммунистов и Совета рабочих депутатов. Так рождалось нерушимое единство партии и народа.

А в октябрьские дни семнадцатого года снова по зову партии боевые дружины с завода направились к Никитским воротам, на Кудринку, драться с юнкерами, добывать победу революции.

С тех пор прошло много лет. Расцветала и крепла страна. Народ широко начал пользоваться плодами великих побед. А в сорок первом году вновь сгустились темные тучи. В первые дни Отечественной войны половина коммунистов Красной Пресни ушла добровольно на фронт. И снова за коммунистами шли беспартийные.

С вагоноремонтного завода в народное ополчение ушли коммунисты: мастер Михаил Ковалев, токарь-скоростник Иван Беликанов, инструментальщик Сергей Анисимов, столяр Павел Исаев и многие другие. На подступах к столице в одной роте сражались эти четыре коммуниста завода, но только одному из них суждено было дойти до Берлина.

Не легкое дело — провести почти всю войну на переднем крае, в траншеях. Еще тяжелее и горше потерять близких. Павел Исаев в войну потерял сына, который вслед за отцом ушел добровольцем на фронт; погибли мать и жена.

Давно уж износил он солдатскую гимнастерку, затянулись раны, но глубокая тень ложится на лицо бывалого солдата, когда он вспоминает о прошлом. Тяжко переживал он возвращение с войны. В теплушке толкотня и было разговоров, что о близких встречах, о доме, о том, где кого ждут, а солдата Исаева никто не ждал, и некуда ему было идти с вокзала. Радость победы смешивалась с горестным чувством тяжелого одиночества. Родным и близким оставался только завод.

Товарищи приветили солдата, отогрели его заботой. Коммунист Исаев пользуется заслуженным авторитетом. Теперь уже к нему обращаются со своими нуждами: рабочие избрали его председателем цехового комитета. Не забывают, пишут Павлу Алексеевичу и фронтовые товарищи, иной раз наведываются, заезжают в гости. Многие из них считают его «крестным отцом»: в армии коммунист Павел Исаев рекомендовал шестнадцать товарищей в партию. Счастливая рука у коммуниста! — все шестнадцать солдат уцелели в горниле войны, и теперь со всех концов Советского Союза Павел Алексеевич получает весточки от фронтовых друзей. А после войны уже в сборочном цехе дал он еще пять рекомендаций, пять путевок в активную, творческую жизнь. И не было еще случая, чтобы молодые партийцы не оправдали доверия своего рекомендателя.

Поддержка и взаимная помощь, сплоченность вокруг коммунистов стали нерушимой традицией людей завода. Недавно ушел на пенсию старейший рабочий, участник восстания пятого года, Александр Иванович Самарин. Но и сейчас его часто можно видеть в цехах: не сидится старику дома! В дни войны он учил молодежь своему ремеслу, а пареньки были так малы, что не разглядишь их за верстаком. Александр Иванович придумал — приладил ребятам подставки: они стали будто выше ростом. Постепенно мужали юноши, прочно становились на ноги, поднимались до уровня своих учителей.

Несколько лет обучал ученика и Константин Федорович Родионов. Володя Гаврилов сперва тоже стоял на подставке у верстака. А когда дядя Костя, как называют в цехе учителя-коммуниста, перешел на пенсию, на его место встал молодой столяр. И теперь, как и при дяде Косте, бригада Гаврилова выполняет план на 230—250 процентов. На днях Владимир Гаврилов пойдет в райком партии получать кандидатскую карточку.

Люди на заводе растут с каждым годом — и молодежь и пожилые рабочие. Разве не вырос за эти годы токарь Сергей Николаевич Волков, который на склоне лет пришел в партию и сейчас со спокойной уверенностью говорит о своей работе: «Стою на своих обязательствах». А обязательства — обслуживать два цеха и выполнять 180—200 процентов плана! «Стоит на своих обязательствах» и кузнец Гордов, коммунист ленинского призыва, больше четверти века проработавший у парового молота. Трудятся и Сергей Павлович Симонов, юношей принимавший участие в борьбе рабочих завода, а потом в течение тридцати с лишним лет — бессменный депутат районного Совета. «Стоит на своих обязательствах» и уважаемый всеми Алексей Павлович Живых, много лет кряду выполняющий обязанности парторга; без отрыва от производства он окончил вечерний комвуз и сумел дать детям высшее образование.

И все это — коммунисты, по словам И. В. Сталина, люди особого склада, которые объединяют рабочих в единый коллектив, ведут его к новым победам.

Юр. КОРОЛЬКОВ

Колхозные вожаки

Шебекинский район — один из самых южных в Курской области. Степное раздолье, меловые горы по берегам рек, редкие перелески, — есть какая-то непередаваемая прелесть в просторах этого исконно-русского края. Вокруг, казалось бы, богатая природа; но она здесь не балует людей своей щедростью: июньские суховеи, зимние морозные ветры часто губят посевы, а отроги меловых гор мало пригодны для пастбищ. Чтобы жить в достатке, надо хорошо знать землю и дружно, слаженно трудиться.

И все же, несмотря на капризы природы, в Шебекинском районе немало передовых колхозов. Среди них артель имени Сталина мало чем выделяется. Может быть, председателю правления этого колхоза Ивану Романовичу Руденко и кажется, что его хозяйство — передовое в районе, но кое-кто другого мнения. Спросите об этом, например, секретаря райкома партии Анатолия Федоровича Кривошея. «Нет, — скажет, — артель имени Андреева покрепче будет», или назовет другие колхозы.

Шебекинские колхозы — для многих в области пример. «Шебекинцы — молодцы, — говорят о них. — А все потому, что не стесняются учиться. Слыхали, наверное: это ведь они всем районным активом в Каменную степь прошлую весну ездили...» Учиться не стесняются?! Вы не скажите только об этом Анатолию Федоровичу Кривошею! И не потому, что он недооценивает этой поездки; напротив, он гордится ею; и все же секретарь райкома резко возразит вам. «Не в этом дело — что ездили, — скажет Кривошей. — Дело в том, что коммунисты стали ведущей силой колхозного производства...» И при этом сошлется на пример артели имени Сталина: «Побывайте там, посмотрите, как эта ведущая сила воздействует на преобразование жизни колхоза...»

Первое, что отмечаешь, попав на земли колхоза имени Сталина, — это чистоту и порядок. Образцовый порядок всюду и во всем. Чистые, усыпанные мелким шлаком, дороги. Опрятные, свежепобеленные колхозные постройки и хаты. Светлое, чистое здание правления колхоза... Глядя на то, как все здесь любовно сделано, с благодарностью думаешь о председателе артели: «Видно, золотые руки у этого Руденко...» И вправду, Иван Романович — опытный руководитель. Недаром же колхозники соседних с Купино деревень, дважды объединявшие свои хозяйства — в 1950 и 1952 гг., — неизменно доверяли именно ему вести дела артели. Только посмотришь на Ивана Романовича, заметишь: да, у него есть хватка. Руденко, видать, за сорок; он немногословен, не любит в разговоре повышать голос; глубокая складка над переносьем говорит о волевом характере.

Рядом с ним секретарь партийной организации колхоза агроном Иван Васильевич Демченко не производит, как говорят, впечатления. Прежде всего парторг молод. Ему едва перевалило за тридцать. Он мал ростом; говорит нараспев, без властной нотки, будто не советует, а советуется.

Однако походите хоть денек с председателем по хозяйству, и вы поймете, что первое впечатление о парторге обманчиво.

«Нет, нет! Этого я не могу один решить! Надо посоветоваться с Иваном Васильевичем. Заходи вечерком, обсудим», — часто слышишь от него. Скрытный Руденко все-таки признается: «Было время, командовал...» И, не пускаясь в многословие, пояснит: «Нас ведь, спустя месяца два как Иван Васильевич секретарем партбюро стал, сам товарищ Кривошей мирить приезжал...» Иван Романович рассмеется и больше ничего о том не добавит. Зато каждый колхозник с усмешкой, в которой видна и любовь к председателю и восхищение парторгом, подробно объяснит вам, из-за чего вышел у них спор.

Началось с партийного собрания, на котором коммунисты обсуждали вопрос о неиспользованных резервах колхозного производства. Парторг был докладчиком. Он резко говорил о недостатках в полеводстве и животноводстве.

Коммунисты поддержали парторга. Много говорилось о неполадках в расстановке и выдвижении кадров...

Председатель отмалчивался, но под конец не утерпел. «Ругать — все мастера, — сказал он. — Посоветуйте, как помочь». — «Вот и начнем — с подбора и расстановки кадров», — спокойно возразил ему Демченко. — Мы вместе с правлением отвечаем за дела артели».

Партийная организация колхоза начала борьбу за кадры, — не замену нерадивых, хотя и это было, а именно борьбу, борьбу за перевоспитание их, за поднятие авторитета бригадиров.

Эта борьба многих, кого ранее считали «безнадежными», вернула к жизни, да еще к какой жизни! Портреты их вы можете увидеть сегодня на Доске почета перед зданием правления. Там, например, красуется портрет бригадира седьмой полеводческой бригады Безменова. А ведь это про его бригаду, как и про бригаду Виляева, года два назад говаривали колхозники: «Виляй-катай — лишь бы ничего не делать»... Теперь бригада Безменова — передовая и по уборке и по сдаче хлеба государству. За всем этим скрыта большая воспитательная сила партийной организации.

Коммунисты взяли под свой контроль все участки многоотраслевого артельного хозяйства. Теперь из восьми полеводческих бригад — четырьмя руководят коммунисты; в помощь им в большинстве бригад созданы партийно-комсомольские группы.

Партийная организация подняла всех колхозников на борьбу за культуру земледелия, за увеличение продуктивности животноводства, за процветание всех отраслей артельного хозяйства.

В прошлом году общий доход артели превысил 2 600 тысяч рублей. Колхозники получили на трудодень по 3,6 кг хлеба и по 4 руб. 60 коп. деньгами. Еще больше укрепилось общественное хозяйство колхоза. В этом году построен новый каменный свинарник, гараж, заканчивается капитальный ремонт колхозного клуба.

И теперь в колхозе хорошо знают, что с коммунистов — особый спрос, попробуй отстать, зазнаться... Партийная организация, и в первую очередь партбюро, коллективный орган, куда входят самые лучшие члены организации, завтра же спросят с тебя: «Как же так получилось, товарищ, что вы развалили трудовую дисциплину в бригаде?»

Ответ приходится держать перед партией. А партия... У каждого из нас с этим словом связано самое дорогое, самое заветное. «Для меня партия — это как мать, — сказал как-то парторг председателю. — Она любит, растит, но зато и требует. Иногда сурово, но всегда справедливо...» — «Это ты верно сказал, — помолчав, согласился Руденко. — А я, видно, не всегда понимал это до конца. Сейчас-то вижу ясней: нет, нет, да и забывал на народ опереться. Все сам хотел, бывало, сделать. Будто в стакане воду помешивал. А теперь, на какое дело ни иду, чувствую: за мной наша главная сила — коммунисты...»

С. КРУТИЛИН

ШЕБЕКИНО,
Курской области

Б. ГАЛИН

Чудесная сила

Из записок пропагандиста

Василий Степанович Егоров застал меня за чтением статьи Менделеева «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца». Мы поздоровались, — я привстал, но Василий Степанович, легонько нажав на мое плечо, усадил меня на место.

— Менделеев!.. — сказал он, заглядывая в раскрытую книгу.

И, придвинув стул, подсел к столу.

Он взял в руки три толстых переплетенных тома «Северного вестника» со статьями Менделеева и, улыбаясь, сказал:

— Хорошо! Вкусно пахнет...

И тут же словно забыл о моем присутствии. Я потихоньку вышел, а когда вернулся в библиотеку, увидел, что секретарь райкома партии все еще читает. Он сидел за столом в накинутой на плечи шинели и, заслышав мои шаги, нехотя оторвался от книги. Глядя на меня задумчивым, углубленным взглядом, он сказал:

— Будущая сила... — И задумался, точно прислушиваясь к своим внутренним мыслям.

Он встал и, заложив пальцы между страницами книги, медленно прошелся по комнате, то и дело поправляя движением плеча сползающую шинель.

— Что за ум! — сказал он восхищенно. — Сильный, мощный ум... К чему ни прикоснется — всюду оставит яркий след...

Он прижал раскрытую книгу к груди и, остановившись возле меня, продолжал:

— Далеко видел... Светом науки взглянул на черных великанов, покоящихся на берегах Донца... — Покоящаяся сила, — усмехнулся он. — Эх, жить бы этому человеку при советской власти!..

И снова молча зашагал по комнате, потом что-то вполголоса сказал про себя — я не расслышал — и вдруг спросил, помню ли я одно ленинское выступление.

— Это — в четвертую годовщину советской власти, — пояснил он. — В ленинском томе напечатано не все выступление, а только краткий газетный отчет. Помните?.. В этом кратком выступлении создателя нашей партии выражено самое главное, самое живое, — то, что отличает всю нашу жизнь, работу нашей партии. «...Мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян».

Я хорошо помнил слова Ленина.

— Вот, товарищ штатпроп, — сказал Василий Степанович, — а меня они всегда волнуют. Стоит вспомнить, даже не произнести, а только мысленно вспомнить... — он движением руки отбросил это слово, заменив его другим, более точным, — стоит только напомнить себе эти ленинские слова, как всё вот тут, — и он с силой прижал книгу к груди, — загорается... Я учился в ВПШ в Москве...

И он рассказал мне, как «во времена былые», учась в Высшей партийной школе, он часто бывал на Трехгорной мануфактуре. Вел там политшколу. В ремонтно-механическом цехе сблизился с одним старым рабочим, Александром Дмитриевичем Семячкиным.

— По должности он, — сказал Егоров, — мастер столярно-плотницких работ. «Специалист по деревам», — так он рекомендовал себя. А по внештатной линии Семячкин был агитатором. Он-то и рассказал мне о том, как видел и слушал Ленина. Он называл его теплым именем — Ильич, и мне всегда казалось, что этим старый рабочий словно приближал себя к великому и дорогому нам всем человеку.

Егоров спросил, бывал ли я на Трехгорке, и, узнав, что не бывал, помолчал некоторое время, а затем сказал:

— В клубе Трехгорной мануфактуры — теперь это клуб имени Ленина — в далекие времена неоднократно выступал Владимир Ильич. Там и мемориальная доска висит. Так вот этот самый Александр Дмитриевич Семячкин там-то и видел живого Ильича, слушал его выступление о самой чудесной в мире силе.

В дверь постучали. Вошел конструктор Гурин. На нашей шахте внедрялся горный комбайн его конструкции.

— А, диапазон возможностей! — обрадовался Егоров. — Заходи, брат, заходи!

Гурин попросил прощения, что, так сказать, врывается в наш мир, но, узнав, мол, что здесь секретарь райкома, решил засвидетельствовать ему свое почтение.

— У меня к вам есть дело, — сказал он, пожимая обеими руками руку Егорова.

Они оглядывали друг друга, и по их улыбкам чувствовалось, что Гурин и Егоров симпатизируют один другому.

Егоров сказал, что слышал, будто конструкция принята на вооружение, запущена в серию.

Ведущий конструктор поднял голову и весело сказал:

— Представляете, какой, действительно, диапазон возможностей! То была, — он поднял над головой палец, — одна! А теперь, — он разжал кулак, — а теперь пяток! И на подходе — серия! Совсем другое мышление. Стратегия другая!

— Это верно, — согласился Егоров, — стратегия другая.

Егоров спросил ведущего, куда он «направляет стопы свои».

— По своим точкам, — сказал Гурин. — Пять точек у меня. А на подходе еще десяточек!

Он был уже одет по-дорожному: за плечами — «вместительный» мешок, на ногах сапоги, широкий ремень туго стягивал пальто. Егоров весело оглядывал его крепкую фигуру.

— Вот, — сказал Егоров, подмигивая мне и указывая на ведущего, — вот... вижу, кажется, щастлыву людыну.

Гурин замахал руками: «Ну уж и счастливый!..»

— А знаете, — сказал Егоров, — он обеими руками взял конструктора за ремень и легонько тряхнул. — Знаете, как вас именует наш Иван Севастьянович?.. По-латыни это как-то мудрено звучит, а по-русски: «Всегда в движении!»

Ведущий смутился. «Всегда в движении!..» Будешь в движении, когда внедряются машины!

Он стал расспрашивать Василия Степановича, кого думают направить в новую длинную комбайновую лаву; будет ли в этой лаве своя партийная группа, и кого партком намерен выдвинуть партгруппоргом? Он бы посоветовал товарища Калинкина. Редкой души человек! Добросовестный.

— Ого, — сказал Егоров, — расстановкой партийных сил тоже интересуетесь?..

— А как же! — отозвался Гурин, — нас все интересует...

Гурин обеими руками поглубже надвинул шапку и сказал:

— Хорошо тут у вас, но надо ехать.

Егоров тихонько вздохнул.

— Завидую вам, — с какой-то искренней завистью в голосе сказал он, — хорошая у вас должность. Всегда в движении...

— А что, — Гурин подошел к Егорову и взял его за руку. — Поехали, Василий Степанович?

— Рад бы, — сказал Егоров, — да не могу. Заседание у меня в семь часов. — И он широко улыбнулся. — Люблю, знаете, заседать. Должность у нас такая...

Мы вышли проводить Гурина. На дворе все еще мело.

Вернувшись в библиотеку, я взял в руки тот том, который читал Василий Степанович. Темнозеленая еловая веточка лежала между страниц. От нее исходил приятный терпкий запах хвои.

Я встретился глазами с Егоровым.

— Моя, — сказал он чуть смущенно и, растирая на ладони иглы веточки, добавил: — Привилась у нас ель-то!..

Он стал расхаживать по комнате, напряженно думая о чем-то.

— Серия, — задумчиво проговорил Василий Степанович.

Он стал расспрашивать меня, где я был, что видел. Когда на днях я собрался ехать в Кадиевку, Василий Степанович попросил меня зайти к секретарю Кадиевского горкома партии.

— Передайте, — говорил он, — привет Сергею Андреевичу, познакомьтесь с ним — очень интересный человек! Походите по городу, — советовал он, — присмотритесь, чем они богаты, поищите образчики хорошего.

Сейчас он стал забрасывать меня вопросами. Как выглядит Кадиевка, что там строится, на сколько мест у них запланирован зрительный зал Дворца культуры, есть ли у кадиевчан свои оранжереи и питомники, сколько деревьев они собираются высаживать нынешней весною и сколько декоративных кустарников, откуда они привозят деревья для посадки — из-за Донца или еще дальше, отстраивают ли поликлинику?

— Говорят, — сказал Егоров, — что они в больших масштабах используют у себя породу как строительный материал?

К сожалению, я не мог рассказать ему об этом.

Он укоризненно взглянул на меня и, качая головой, пробормотал:

— Что же это вы, штатпроп...

— А надо бы, — остановившись передо мною, сказал Василий Степанович, — надо бы, товарищ Пантелеев, постараться изучить в Кадиевке все лучшее.

И спросил меня, а скорее всего самому себе задал вопрос: почему это в Кадиевке с таким размахом и в то же время с такой деловитостью хорошо и быстро строят? Почему? Ведь почти соседи!..

Он постоял у окна, о чем-то задумавшись, потом вдруг вслух решительно произнес:

— Да, диапазон возможностей...

— Что, завидуете, Василий Степанович?.. — тихо спросил я.

— Завидую! — сказал он. — Завидую. Действительно, почему они могут?.. И какой высокий темп строительства! Ведь возможности-то у нас и у них почти равные!.. А там все идет быстрее... Стало быть, там есть люди, которые прекрасно понимают все значение вопросов культуры и быта, люди, которым эти живые вопросы живой жизни так же дороги, как вопросы борьбы за добычу. «Всему свое время...» — вдруг протянул он густым баском, и по интонации его голоса я узнал управляющего трестом Панченко. — Все эти слова, — сердито сказал Василий Степанович, — выдуманы для того, чтобы оправдать собственное непонимание всего значения этих живых вопросов живой жизни.

Пришли Варвара Бирюлева и главный архитектор нашего населенного пункта Ксения Андреевна. Егоров усадил их в свою машину и, прежде чем сесть на свое место рядом с шофером, посмотрел на посветлевшее небо.

— Езжайте, — сказал он, — а я пешком пройдусь. — И предложил мне пойти с ним вместе.

— Это меня спасает, — сказал он и глубоко, всей грудью вдохнул свежий морозный воздух.

Лицо Василия Степановича порозовело на свежем воздухе, он размотал шарф, чтобы еще глубже дышалось.

— А второе? — спросил я.

Он засмеялся и, сжав мою руку, быстро сказал:

— Вы думаете, что только конструкторы обожают жизнь или, как они там говорят, — внедрение?

Нас нагоняла грузовая машина, шофер затормозил, видимо, узнав секретаря райкома. Но Егоров махнул ему рукой:

— Езжай, голубок!..

— А, во-вторых, — проговорил он, когда машина ушла, обдав нас вихрем снежной пыли, — наш брат, партийный работник, тоже обожает жизнь, — и варежкой Егоров смахнул с лица снег.

...Когда мы подошли к райкому партии, в окнах уже зажглись огни.

Молодые ели стояли совершенно белые. Василий Степанович сунул в карман варежки, стал под ель и, взяв заснеженную ветвь, тряхнул ее, подставив себя под этот снегопад. Он питает к этим елям какое-то особенное пристрастие. По его настоянию их привезли сюда издалека, из-за Донца. Сколько тревоги было: выживут ли они, привьются ли? Ветер сгибал молодые ветви, солнце сушило их, и все, кажется, с тревогой следили за судьбой этих нежных молодых деревьев с тонкими стволами и мохнатыми лапами. А когда весной ели поднялись, ожили, — все вздохнули. Особенно радовался Василий Степанович. Похоже было на то, будто он связывал с этими зелеными елочками что-то свое, хорошее.

Управляющий трестом Панченко смотрел на все эти увлечения Егорова, на все его старания «вывести город в люди» со снисходительной усмешкой.

— С меня достаточно угля, добычи. А эти елочки, фонтанчики, скульптурки, — презрительно говорил он, — это все побочное. Придет время, мы и этим займемся. Пока — добыча. Остальное приложится.

И сдвинуть этого Панченко с места было очень трудно.

— Какой у нас город? — говорил он насмешливо, — так... видимость одна.

А между тем именно в семье Панченко Егоров, как он сказал, «обрел» не кого иного, как главного архитектора района.

«Ищите и обрящете», — говорил Егоров.

И однажды встретился у Панченко с Ксенией Андреевной.

Ее отец был другом Иллариона Яковлевича, они вместе учились в Горном институте, работали на одной шахте. Отец Ксении Андреевны погиб на войне. Девушка училась в Киеве, в Архитектурном институте, и по окончании приехала погостить в наш населенный пункт, к Панченко. Тут с нею и познакомился секретарь райкома. Позже он, лукаво усмехаясь, убеждал Иллариона Яковлевича, что у него и в мыслях не было тащить Ксению в архитекторы города. Просто он хотел показать ей наш районный центр, наш населенный пункт.

Его не смутило, что Ксения Андреевна, смеясь, сказала:

— Ваш населенный пункт мне очень хорошо знаком. Я провела в нем свое детство.

— Тем лучше! — сказал Василий Степанович. — Вам будет очень интересно увидеть те изменения, которые здесь произошли. Нам же, — добавил он, — будет в свою очередь приятно и полезно увидеть город вашими глазами — глазами молодого архитектора.

И он повел ее по знакомым с детства улицам, пригласив на эту прогулку и меня.

Осмотр города мы начали с центральной площади. Она была вся в лесах: строились Дворец культуры, музыкальная школа. На площади, в центре, был разбит молодой сад; вдоль улиц на высоких чугунных столбах белели фонари с матовыми шарами. Егоров обратил внимание Ксении Андреевны на эти новенькие фонари. Она взглянула и слегка улыбнулась. Фонари, как фонари!.. Но, оказывается, самое интересное, по словам Василия Степановича, то, что фонари эти — арматура, мачты — отливались в мастерских треста. И рисунок для отливки был сделан у нас же. Впрочем, и это — не главное. Пусть она получше всмотрится в эти, как он сказал, великолепные матовые шары. На них — ни царапины. Чудесно светят!

Потом он повел нас на холм, откуда хорошо виден был районный центр со всеми его улицами и прилегающими поселками.

— Отстраиваемся, — скромно сказал Василий Степанович, — богатеем потихоньку...

Ксения Андреевна задумчиво смотрела и на центральную площадь, и на новую, еще робко обозначавшуюся улицу.

Это была улица имени Бахмутского. Так решено было назвать ее на сессии райсо-

(Окончание на 4-й стр.)

К ПЕРЕМИРИЮ В КОРЕЕ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА МИР

Волнующая весть облетела все континенты мира — в Корее затих гул войны. Подписание соглашения о перемирии — это великая победа героического корейского народа, его друзей — доблестных китайских народных добровольцев. И каждый, кто любит мирное солнце в чистом небе, понимает: перемирие в Корее — это крупная победа всего лагеря мира и демократии.

О людях Корейской Народно-Демократической Республики, сражавшихся за мир, рассказывают сегодня советские писатели и журналисты, которые в дни войны побывали на корейской земле.

МУЖЕСТВО НАРОДА

...В Сеул мы приехали вскоре после того, как войска Народной армии вышибли оттуда Ли Сын Мана и тот удрал вместе со своими заокеанскими сообщниками и подстрекателями, оставив сеульскому населению записанную на магнитофоне речь о том, что «президент» и его солдаты «ни при каких условиях» не покинут город.

Нам предстояло следовать дальше, на фронт, который проходил в те дни на юге, у Пусана и Тэгу. Предварительно мы решили заехать в Инчен, осмотреть исторические места.

...Мы выбрались на окраину Сеула, остановились на развилке дорог, и тут возник небольшой спор между шофером и сопровождавшим нас офицером: какая из дорог кратчайшая. Чтобы утвердиться в своем мнении, офицер вылез из машины и зашел в «чиби» — корейский домик.

Через несколько минут он вернулся вместе с хозяином домика и сообщил нам, что этот человек — рабочий, которого зовут Ким Вон Тэк, обязательно хочет пожать руку советским людям. Мы с радостью протянули ему руки. И Ким пожал каждую своими обеими руками — высший знак уважения на Востоке. Затем он объяснил шоферу, как ехать, и мы тронулись.

После этой встречи прошло, если память не изменяет, месяц или два. Мы вернулись с фронта в Пхеньян, потрясенные виденным и мучительно переживающие невозможность или скорее неумение передать в газетной корреспонденции всю глубину и величие подвигов Народной армии.

Американцы тем временем высадили десант в Инчоне, если можно назвать «десантной» операцию, в которой против Инчонского гарнизона приняли участие весь американский тихоокеанский флот, тысяча самолетов и много тысяч солдат.

...В тот день бомбежка застала нас в одном из правительственных учреждений Кореи, куда мы ходили за информацией. Пришлось спуститься в убежище. А через несколько минут туда же пришел офицер Народной армии.

Ни повязка на лбу, ни обгоревшее лицо его не помешали нам узнать в этом офицере человека, сопровождавшего нас из Сеула на фронт. Мы встретились, как старые друзья.

— А помните, как мы стояли на развилке дорог? — спросил я.

И тогда я узнал судьбу Ким Вон Тэка, того самого рабочего, что с глубокой сердечностью жал нам руки на развилке дорог.

Свыше десяти дней пробивались американцы к Сеулу, к городу, который войска Народной армии в свое время освободили за 36 часов. Но когда интервенты подошли наконец к Сеулу, они убедились, что город обнесен крепчайшей стеной. Это была стена мужества сеульских рабочих, стена их ненависти к поработителям.

И одним из кирпичей этой стены стал дом рабочего Ким Вон Тэка.

Этот дом входил в сектор обороны, которым командовал наш знакомый офицер. Ким получил пулемет. Он установил его у окна и вел огонь по американцам.

Дом Кима сгорел. В напалмовом огне погибла его семья. Единственным, что удалось ему спасти, был пулемет. Ким вынес свое раскаленное оружие из огня. Он установил его в окопчике, который ранее служил для семьи бомбоубежищем.

Ким врылся в землю со своим оружием, прикрыв окоп мешками с песком. И теперь, полуобожженный, он все же стрелял. Казалось, что вся жизненная сила, которая еще теплилась в этом полусгоревшем теле, сконцентрировалась в одном желании, в одном усилии: стрелять!

Он сгорел вместе со своим оружием. Потребовалось море огня, чтобы растопить, сжечь, наконец, этот грозный сплав.

...Ныне все это позади. Сотни, тысячи замечательных побед корейского народа на полях отечественной войны против интервентов завершились главной победой — перемирие подписано.

Враг хотел сжечь Корею напалмом и расстрелять ее картечью. Он обрел в ответ ненависть и презрение, впридачу к тем ударам, которыми сражающаяся Корея отвечала интервентам. Победила народная Корея. На далеком азиатском полуострове мир победил войну.

Мы знаем: в руинах сейчас те фабрики и заводы, те школы и театры, которые корейский народ построил за годы, предшествовавшие войне, в пепел обратилось гордое сердце Ким Вон Тэка и тысяч его героических братьев. Но эти руины, этот пепел — не только символ горечи и памятник мужеству. Они — настоятельный горячий призыв к созиданию, к творческому труду.

Александр ЧАКОВСКИЙ

Цвести земле корейской!

736 военных дней и ночей провел я на опаленной земле героической Кореи. Нет из них такого дня, такой ночи, когда бы утихал гром канонады, тревожный вой сирен, грохот разрывов бомб и снарядов, назойливый шум «летающих крепостей», «мустангов» или «шутинг-старов» и «сейбров».

Американские воздушные налетчики предавали огню и разрушению все без разбора: и стены корейских университетов, и глинобитные корейские чиби, корпуса фабрик, заводов и крохотные камышовые шалаши, где ютились люди; здания школ, больниц и детских яслей, родильных домов...

Но вот, помню, брожу я в мертвой тишине по испепеленным руинам Вонсана, насытившим воздух запахом гари и трупов. Как надгробные памятники, высятся среди пепелищ израненные осколками стволы корейских березок. И кажется, что кроме них в Вонсане больше нет ничего живого. И вдруг на окраине города у берега Японского моря вижу тоненькие крылатые саженцы яблонь. Обыкновенные саженцы, едва покрытые крохотными, но по-весеннему свежими чистыми листьями. Они уцелели от огня? Нет. Это девушки Вонсана посадили их после бомбардировок города. Миллионы таких саженцев — яблоневых, грушевых, сливовых, вишневых — посадили в Корее за годы войны.

И вот, думается, как прекрасен и неистребим мир, рожденный мужеством и героизмом народа, его неукротимым стремлением к свободе и счастью. Как символ бессмертного подвига героической Кореи и торжества мира, зеленеют на ее испепеленной земле ростки жизни — миллионы молодых деревьев.

Пусть же тянутся к солнцу эти юные побеги, пусть цветет земля Кореи!

Алексей ТКАЧЕНКО

ЧАША ЖИЗНИ

С возобновлением переговоров в Паньмыньчжоне в апреле этого года американский военно-воздушный флот с каждым днем все более сатанел. После расстрела детей на горе Моранбон в день первого мая, после варварского налета 10 мая на Сунхункую гидроэлектростанцию американские воздушные силы совершили новое чудовищное преступление. Днем 13 мая они четыре раза налетали на водохранилище Сунан. Огромная плотина была разрушена, и полмиллиона кубометров воды хлынули на поля долины Сунан — житницы Северной Кореи.

Я поехал тогда на место злодеяния. По обе стороны дороги стремительная вода несла на своих волнах обломки хижин, людей и животных. Разбушевавшиеся воды смыли восемнадцать деревень.

Там, где вода сошла, обнажились еще вчера зеленые, а теперь мертвые, занесенные песком и грязью, поля. Были загублены тысячи гектаров посевов.

Глубокая чаша водохранилища опустела. А только в проломе плотины все еще неистовствовала стремительная и бурная река, проложившая себе русло и разливавшаяся на полях, как море.

После первых дневных налетов жители окрестных сел, собравшиеся по тревоге, с трудом заложили проломы мешками с песком. Работы велись в горной ледяной воде, под пулеметным обстрелом с воздуха. Казалось, общими усилиями катастрофа была предотвращена. Но на рассвете взорвалась серия бомб замедленного действия, сброшенная у плотины; последовал еще один массированный налет бомбардировщиков, в плотине была пробита брешь, и в нее, сокрушая все преграды, хлынула вода.

Бедствие застало спящих людей врасплох. Спасательные работы были затруднены, так как круглые сутки эскадрильи самолетов бомбили дороги.

Разрушая водохранилища и уничтожая посевы, американская военщина рассчитывала вызвать в Северной Корее голод, сделать его своим союзником на время переговоров о перемирии.

Обломанные кроны деревьев, на которых задержались плывшие колыбели с мертвыми младенцами, долго будут сниться тем, кто видел эту леденящую кровь картину.

В середине июля я вновь посетил сунанское водохранилище. Тысячи крестьян и китайских народных добровольцев заканчивали возведение разрушенной плотины.

Накануне заключения перемирия в Корее прошли тропические ливни, смывшие пороховую копоть с земли. И сейчас, когда перемирие подписано, я думаю о том, что это огромное водохранилище, до краев налитое чистой водой, поднято крестьянами и китайскими народными добровольцами, как первая заздравная чаша в честь победы героического корейского народа.

Сергей БОРЗЕНКО

ДЕТИ КОРЕИ

Дни пребывания на корейской земле оставили в моей памяти незабываемые картины самоотверженности и великих подвигов сынов и дочерей этой древней страны. И сейчас, когда радостно забилось сердце при вести о победе правого дела корейцев, на память приходит один эпизод, с которым я уже имел возможность познакомить советских читателей.

Помню: только что «летающие крепости» разрядили бомбовые люки над центральными кварталами Пхеньяна. Взмыли к небу густые клубы дыма.

Все, что произошло вслед за этим, я записал тогда в блокнот. Вот эти строки: «Пожар еще не утих. Вдруг, что это? Откуда этот дробный звук? Он возник где-то за пожарищем и становится все громче.

— Слышите? — сказала сопровождавшая меня девушка. Это бьют барабаны.

Из тесного переулка показалось, ритмично колыхаясь, знамя. А под ним бело-синий живой поток. Шеренга за шеренгой с двумя барабанами шли девочки, простые корейские девочки в синих юбках и белых кофточках с синими галстуками.

— Это «отряд бодрости» — пионеры, — сказала спутница. — Они выходят после бомбежек на улицы, чтобы ободрить жителей.

Сколько любви было написано на лицах пхеньянцев, когда они смотрели на этих маленьких девочек, пришедших ободрить их, показать, что корейским детям, как и всему народу, не страшны враги. Слышите? Бьют барабаны!

— А вот это наша Пак! — показала спутница на девочку, которая несла знамя. Она возглавляет один из «отрядов бодрости». У нее недавно погибли отец и мать.

Вот она, эта потерявшая детство юная пхеньянка, несущая тяжкое горе. Она идет, вскинув высоко над улицей древко знамени. И в шелковом шелесте полотнища, в ровной, четкой поступи ног звучит: Слышите? Бьют барабаны!

Дети Пхеньяна! Разве можно забыть эти минуты на дымящихся улицах города. Слышите? Бьют барабаны! Так шли к победе не только эти маленькие девочки, шли юноши и девушки, не знавшие устали в борьбе, шли, взявшись за руки, члены подпольной пхеньянской организации «Молодая гвардия», повторившие в дни американской оккупации города бессмертный подвиг далеких советских друзей, шла вперед, с гордо поднятой головой неистребимая, прекрасная молодость этой страны».

И теперь, когда я вновь перелистываю страницы блокнота, перед моими глазами встает первое мирное утро героической страны. И я вижу: ликующе плещутся над черными пепелищами знамена, древка их высоко подняты сильными, огрубевшими или маленькими, слабенькими руками. Это идут отцы и матери, идут дети, идут те, кто выстоял в этой великой битве.

Вслушайтесь: гремят барабаны!

Они возвещают о великой победе мира над войной.

Алексей КОЖИН

ВСТРЕЧИ С ПХЕНЬЯНОМ

Первая наша встреча с этим своеобразным и неповторимым городом произошла весной 1949 года. Она запомнилась на всю жизнь. Прямой широкий проспект. Большие, светлые дома. Кое-где маляры еще подкрашивают карнизы, молодые строители спешат убрать щебень возле только что законченных новых зданий. Яркожелтые решетки строительных лесов окружают будущие театры, школы, больницы, клубы. А вокруг — хрупкие корейские домики, покрытые разноцветной черепицей.

Навстречу нам течет по улицам многоликая пестрая толпа. В воздухе колышутся зонтики всех расцветок, словно экзотические цветы.

Впервые попав в этот город, мы часто беседовали с его жителями: рабочими-строителями в новеньких спецовках, учителями, служащими, домашними хозяйками в белоснежных шароварах — и все они вдохновенно говорили:

— Наш город и очень старый и совсем молодой. Во второй раз Пхеньян родился 15 августа 1945 года; мы сделаем его красивым, очень красивым. Вот увидите!..

А потом настал тяжелый день, когда пхеньянцы уходили из своего еще недавно цветущего города. Медленно шли они по взрытой бомбами дороге, а над кварталами многоэтажных зданий поднималось к самому небу черное пламя.

Томительны были короткие недели временных неудач Народной армии, когда со всех концов страны двигались к братским берегам Ялуцзяна беженцы с суровыми, решительными лицами. И с кем бы мы ни говорили в эти горестные для корейцев дни, ни разу не почувствовали, что люди сломлены, выбиты из колеи. Напротив! Полуодетые, с трудом вырвавшиеся из огня, лишившись своих близких, крова над головой, они не потеряли главного — веры в свой народ, в свою правоту. Покрасневшие глаза женщин сурово блестели, скорбные, суровые складки легли у рта. Но все они уверенно говорили:

— Скоро все изменится... Там, — вытягивали они свои худые руки в ту сторону, где грохотали орудийные залпы, — решится наша судьба. Там наши мужья, братья...

Мы видели, как эти же самые женщины, еще не смыв пыли и копоти с лица и рук, восстанавливали в горах и на сопках заводы, строили подземные школы, под огнем чинили дороги и мосты, умирая под бомбами, как солдаты, орошали своей чистой кровью родную землю.

...Шестого декабря 1950 года мы снова встретились с Пхеньяном. В этот день части Народной армии и китайских добровольцев освободили город от захватчиков.

Больно сжалось сердце: не было улиц, еще недавно так любовно озелененных; черные выжженные пустыри простирались повсюду; не было домов — камень и железо громоздились безобразными грудами...

Но город-герой не сдался. Трепетал в небе трехцветный флаг. И вдали возвышался величественный в своей простоте Монумент освобождения.

На наших глазах раненый город зажил новой жизнью. Он ушел под землю, зарылся в сопки. И когда по вечерам мы выходили из убежища, чтобы вдохнуть свежего воздуха, над городом, погруженным в темноту, особую, знакомую всем нам военную темноту, неслась музыка и, прерывая концерты, диктор произносил размеренно и сурово:

— Говорит Пхеньян!

Попрежнему работала почта, скользили на легких велосипедах письмоносцы, развозя телеграммы, дети учились в школах под землей, а крестьяне на базарах продавали овощи и рис. Искалеченный город жил и боролся.

В один из зимних дней 1952 года мы зашли к председателю Народного комитета Пхеньяна товарищу Паку. Высокий, рано поседевший, он поднял навстречу нам оживленное красивое лицо. В глубоком убежище — его кабинете — было людно.

— Совещание? — осторожно спросили мы.

Пак кивнул. В глазах его зажглись огоньки. Он бережно разгладил лежащую перед ним бумагу:

— План нового Пхеньяна!

И, заметив наше невольное изумление, добавил:

— Когда мы, весь мир заставит их кончить войну, надо будет сразу же начинать строить. На другой день! И это не застанет нас врасплох.

Мы глядели на план нового города. Перед нами вставали заводы и театры, кварталы жилых домов, бульвары и парковые аллеи. Архитекторы и строители, собравшиеся в кабинете Пака, наперебой объясняли нам свои замыслы. Можно было лишь преклоняться перед жизнеутверждающей силой простых людей. Среди развалин, недоедая, ежесекундно рискуя жизнью, они твердо верили в свое правое дело.

Сегодня, на третий день после того, как со страниц газет исчезли сводки с фронтов корейской войны, мы рисуем в мечтах свою третью встречу с Пхеньяном, который стал дорог и близок нам, советским людям.

Мы пройдем по его тенистым, как и прежде, улицам, мимо высоких светлых домов. Мы положим цветы у подножья памятников героям минувшей войны — корейским и китайским воинам, бесстрашным солдатам тыла, которые в огне пожарищ видели свой город будущего.

Этот снимок сделан в одном из северокорейских городов незадолго до перемирия. Геодезисты производят съемку для предстоящих восстановительных работ

Снимок корейского фотоагентства

Ирина ВОЛК,
Василий КОРНИЛОВ

Чудесная сила

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

вета. Она соединяет районный центр с шахтой «Красная звезда».

Она спросила, кто такой Бахмутский.

— Замечательная личность! — оживился Егоров. — Человек, создавший первый советский угольный комбайн. Вы знаете, что он сказал? Он сказал, Ксения Андреевна, крылатую фразу: «Лучше машина в работе, чем идеи на бумате...» Здорово?

Дома еще только строились, а вдоль тротуаров уже тянулись стройной цепочкой молодые, быстро растущие клены.

Если же смотреть с холма вниз на молодые посадки, то, кажется, что на горизонте, у кромки земли и неба, стелется зеленый дым.

Егоров бережно притянул к себе верхушку молодой липы, на мгновение прижался к ней лицом и ласковым движением отпустил.

Ксения Андреевна спросила:

— Вы можете вот так, просто, наслаждаться природой, ну хотя бы этим кленом?..

«Вот так, просто»? Нет, он не может. В его сознании эти деревья, эти заросшие кустами холмы — все связывается с человеком.

Он засмеялся и сказал полушутливо: — Все, знаете, для человека. И — во имя человека.

Она быстро взглянула на него, и, перехватив этот взгляд, он заговорил о том, что, по его мнению, человек в каких-то решающих, главных своих качествах проверяется по его отношению к зелени, цветам. Когда он, Егоров, видит степь, жесткую землю, обожженную солнцем и незащищенную от страшных ветров, он испытывает такое чувство, точно чего-то еще не сделал. Этой любви к зелени, к цветам всегда больше там, где их мало.

Егоров вдруг взял Ксению Андреевну за локоть и спросил, представляет ли она себе, каким должен быть главный архитектор района, населенного пункта? Он должен быть не просто архитектором-специалистом, а человеком с размахом, активным и зубастым человеком.

— Это почему же зубастым? — улыбнулась она.

— А потому, что вам — впрочем, не вам, а нашему будущему архитектору, — придется иметь дело не только со строительными материалами, но и с людьми. А среди них, дорогая Ксения Андреевна, — он заговорил шопотом, точно ей одной поверяя свою тайну, — среди них имеются люди очень косные... Люди, думающие узковато, в щелочку...

Было тихо, в вечернем воздухе четко вырисовывались охваченные строительными лесами дома, стальная стрела, поднятая в небо.

— У конструкторов, — нарушая молчание, снова заговорил Василий Степанович, — есть свое широкое понятие: активное воздействие на уголь... Мне почему-то кажется, что эта штука, — он широко взмахнул рукой, словно указывая и на молодые деревья, и на дома в строительных лесах, и даже на это тихое сумеречное небо, — штука эта может и должна оказать активное воздействие на добычу и на всю жизнь людей.

На обратном пути около здания райкома мы встретили Панченко. Но Егоров словно и не заметил его: продолжал расспрашивать Ксению Андреевну о ее планах: куда она намерена поехать работать после института? Услышав, что она получила направление в Киев, понимающе сказал: «Да, Киев — это Киев»...

Панченко насмешливо взглянул на Василия Степановича: «Ну что, промахнулся?..»

— Все в центр да в центр, — с грустью сказал Егоров, — а когда же к нам-то, на периферию?..

И, ожесточившись, стал говорить о том, что мы вкладываем огромные средства в благоустройство района, но делаем это, в сущности, кустарно. Вразлет! И в подтверждение своих слов обратил ее внимание на дома, окруженные, как он сказал, боярскими заборами.

— Прекрасные дома, — сказал он. — А мы прячем их лицо. А по-моему, все красивое должно быть открыто взору. Вот был бы у нас свой настоящий архитектор, болеющий за строительство, направляющий это строительство по единому генеральному плану... Как бы мы двинулись вперед...

И Панченко неожиданно согласился: верно, двинулись бы... Но нужно считаться с возможностями. Тут Василий Степанович вспыхнул и сердито сказал, что возможности наши неограниченны. Все дело в том, что мы их плохо используем, эти возможности...

И опять вернулся к своему: а вот если бы у нас был свой главный архитектор...

Он стал расспрашивать Ксению Андреевну, замужем ли она, — она отрицательно покачала головой.

— А влюблены в кого-нибудь?

Она рассмеялась и сказала, что — да, она влюблена в своего товарища однокурсника...

Егоров увял, а Панченко гулко захохотал и сказал Ксении:

— Больше ты его не интересуешь.

— Нет, почему же, — смущенно сказал Василий Степанович.

Впрочем, и сейчас он не считал вопрос окончательно решенным.

— Подумайте, — сказал он, — не спешите с ответом...

Он говорил ласково, и вместе с тем казалось, что Егоров уверен: именно она будет главным архитектором города. Пусть она походит, посмотрит объекты в натуре, планы будущего, побеседует с людьми, выяснит материальные ресурсы района и, так сказать, внутренние ресурсы: чем дышат люди, чего они хотят, о чем мечтают. В одном он твердо уверен: когда она станет ближе к этой жизни, вникнет в нее, изучит все возможности и перспективы, — ее наверняка охватит священный огонь вдохновения...

При этих словах **Илларион Яковлевич**, смеясь, сказал:

— Что-нибудь одно, Василий Степанович... или работать, или вдохновляться.

— И то, и другое! — энергично возразил Егоров. — И как ты этого не понимаешь?..

Он говорил так горячо, так взволнованно, что Ксения Андреевна спросила вдруг, кажется, неожиданно для самой себя:

— Что же вы можете предложить мне?

Он ответил совершенно серьезно:

— Прекрасную и трудную жизнь.

Протягивая на прощание руку, Егоров сказал, полушутя:

— А холмик, на котором мы с вами нынче были, — очень прошу вас, Ксения Андреевна, сберегите его нам. Холмик этот чем хорош? На нем глубже дышится и с него дальше видится. Замечательная точка видения! Там живешь, так сказать, перспективой будущего.

И Ксения Андреевна стала главным архитектором нашего населенного пункта.

...Заседание, то самое, о котором Егоров сказал ведущему: люблю, знаете ли, заседать, — назначено было на 7 вечера.

Общение с людьми было для Егорова необходимейшей потребностью. Он задавал тон на этих совещаниях, придавая им характер живой беседы, живого обмена мыслями. Он умел слушать товарищей, умел одним каким-нибудь вопросом осветить обыденное, придать ему характер явления. Василий Степанович любил «возиться» с людьми.

Мысль созвать совещание заместителей начальников шахт по общим вопросам принадлежала Варваре Бирюлевой и главному архитектору Ксении Андреевне. Это они попросили Егорова собрать людей, отвечающих, так сказать, за общие вопросы, то есть, по существу, за самые насущные вопросы жизни трудящихся.

И сразу же у Егорова нашлись помощники — финансовые работники, работники коммунхоза, партийные работники, профсоюзные работники, которые помогли ему изучить этот вопрос, изучить сметы и сделать вывод: средства, имеющиеся на шахтах, распыляются.

Заместители начальников шахт по общим вопросам всполошились. Они звонили в райком, спрашивая, какие нужно захватить с собою материалы, чем будут интересоваться в райкоме? Им отвечали: будет обыкновенная беседа о наших возможностях в области культуры и быта. Ее проводят Василий Степанович и Илларион Яковлевич. Ах, обыкновенная беседа!.. И люди захватывали как можно больше материалов.

Панченко, войдя в кабинет Егорова, даже чуть поморщился: многовато народу собралось... Надо ли так широко?.. Парторги шахт, агитаторы, пропагандисты и даже редакторы стенных газет. Широко размахнулся Василий Степанович.

Одним из первых слова попросил заместитель начальника шахты имени Ленина — Василий Ивашура.

Что-то очень нежное послышалось Егорову в этой фамилии. Ивашура встал, и Василий Степанович оглядел его крепкую фигуру. Даже в вышитой рубашке с низким воротом, открывающим загорелую шею, Ивашура сохранял военную выправку. Прямые плечи, красиво посаженная голова.

— А вас, товарищ Ивашура, удовлетворяет работа... — Егоров выдержал паузу и тихо закончил:

— ...по общим вопросам?

Маленький, приземистый Ивашура, широко улыбаясь, сказал:

— Это ж только говорится — общие вопросы... А по существу...

Егоров оживился.

— А по существу?.. — переспросил он.

— По существу, товарищ секретарь райкома, — если вдуматься, то должность эта, как я ее понимаю, имеет своей целью...

И лицо его вдруг осветилось наивной улыбкой очень прямого человека.

— Имеет своей целью, — возвысив голос, сказал он, — добиться, щоб краще в свиты жылося.

Егоров порывисто встал из-за стола и, подойдя вплотную к Ивашуре, точно желая получше рассмотреть его, спросил:

— А скажите, товарищ Ивашура, успешно ли вы решаете эту задачу, — и, выдержав паузу, весело сказал: — щоб краще в свиты жылося?..

— На сегодняшний день — успешно.

Ивашура стал рассказывать, какую он застал обстановку, когда вернулся из армии на шахту.

— Живем мы, Василий Степанович, на отлете. От райцентра далеконько. Изучаю обстановку и вижу, что быт у нас вроде второго эшелона получается. Глубокий тыл. Чувствуется заниженный тонус жизни...

Егоров переглянулся с Панченко.

— Заниженный?.. — сказал он.

— Да, — твердо сказал Ивашура. — А между тем возможности хорошие. По натуре, — сказал он, преодолевая смущение, охватившее его, — хлопец я горячий. Вижу — тонус заниженный и решаю поднять этот тонус. Перевернуть.

И словно оправдывая это свое желание — поднять тонус жизни, — Ивашура сказал:

— Молодежь... Хочет красиво жить. И, между прочим, имеет полное право красиво жить. Идем, как вы знаете, с плюсом.

Начинали они на шахте с самого элементарного, с простого и вместе с тем очень близкого людям: навели порядок в столовой, в детских яслях, открыли общественную прачечную, украсили общежитие молодых горняков, замостили улицы поселка, даже асфальтировали некоторые из них.

— Щебеночка, — сказал он, наивно улыбаясь, — креозотик, пек... — это ведь у нас имеется в изобилии...

Его спросили, кто же варил асфальтовую массу. Ивашура сказал, что нашелся среди трудящихся, — он так и сказал: среди трудящихся, — свой замечательный мастер, старичок Гонтарь. И стал называть цифры: сколько какого материала нужно на километр дороги. Он обо всем говорил ласково-уменьшительно: садочек, тумбочки, дорожки.

— Своими силами! — успокаивал он своих собратьев по должности.

Своими силами был высажен сад в поселке, своими силами заасфальтированы улицы, своими силами в детском саду, яслях, в школе, в общежитии молодых рабочих стены были отделаны под дуб.

— И штакетики, — сказал он, — собственными силами сделали. И рассада для цветов у нас своя. Питомничек.

Он осмелел, чувствуя, что его слушают с интересом. Даже сам управляющий трестом Илларион Яковлевич приложил ладонь к уху.

— Ориентируемся на районный центр, — улыбаясь, сказал Ивашура, — привезли к себе на шахту 20 елочек.

Василий Степанович, чуть заикаясь, быстро спросил:

— Привились?

— Живут-цветут... — сказал Ивашура.

Тут вмешался Панченко. Он спросил Ивашуру, какие у него дальнейшие планы в области «щоб краще в свиты жылося».

Ивашура очертил, как он выразился, планы ближайшего будущего.

— Мечтаем, — сказал он.

Панченко густым басом поправил:

— Планируем.

Егоров радостно и благодарно посмотрел на Ивашуру и сказал Панченко: «Ну что, убедился?..»

Слушая рассказ Ивашуры и вопросы, с которыми обращался к нему Василий Степанович, я знал, я просто был уверен, что не далее чем завтра Егоров повезет людей и сам поедет к Ивашуре своими глазами посмотреть, своими руками прощупать, что же это все значит, что значит работать так, «щоб краще в свиты жылося».

Егоров поедет на шахту к Ивашуре и для того, чтобы еще раз убедиться: «все дело в людях»...

Когда мы с Калинкиным, партгруппоргом участка, вышли после совещания на улицу Бахмутского, ветер ударил в лицо. Ветер был теплый, южный. Калинкин сказал, подняв голову к звездам:

— Небушко раздвинулось! Весна на подходе...

Ели с мохнатыми темнозелеными ветвями раскачивались, и на них желтели пятна света, падавшего из окон райкома.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02829.